

ЮЛИЯ ЗОНИС ГЕНОМ ПАНДОРЫ

A dramatic movie poster for 'Pandora's Genome'. The scene is set in a dark, stormy amusement park at night. In the background, a roller coaster is silhouetted against a dark sky with falling rain. A large sign for 'Canada's Wonderland' is visible, partially obscured by smoke and fire. In the foreground, a man in a dark jacket is kneeling on the ground, looking intently at another man lying face down. To the left, a large fire consumes a structure, with bright orange flames and sparks rising into the air. The overall atmosphere is one of mystery and danger.

От лауреата премий «Бронзовая улитка»,
«Интерпресскон», «РосКон»!

Юлия Александровна Зонис

Геном Пандоры

Серия «Время Химеры», книга 2

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=7419004

Геном Пандоры : [фантаст. роман] / Юлия Зонис: АСТ; Москва; 2014

ISBN 978-5-17-085495-0

Аннотация

Ближайшее будущее. В результате биогенной катастрофы по всей Земле распространяются опасные виды животных химер.

Люди живут в анклавх и находятся в сложных отношениях с киборгами андроидами, которые отстаивают свою независимость. Людьми руководят Бессмертные – генмодифицированная элита с весьма своеобразными вкусами. Кое кто из них развлекается с помощью препарата «Вельд», пытаясь временно контролировать химер, прочие занимаются научными проектами по возрождению человечества или симбиозу с новой биосферой...

Однако новая агрессивная биосфера не проста – она обладает собственным разумом и координирующими центрами. Власть над одним из таких центров сулит неограниченные возможности, но для начала необходимо найти виновников катастрофы...

Содержание

Пролог	6
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	29
Глава 3	48
Глава 4	63
Глава 5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	99

Юлия Зонис

Геном Пандоры

© Зонис Ю.А.

© ООО «Издательство АСТ»

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

*Сердце человеческое отнимется от него и
дастся ему сердце звериное, и придут над ним семь
времен.*

Дан. 4, 13

*Я знаю, как на мед садятся мухи,
Я знаю смерть, что рыщет, всё губя,
Я знаю книги, истины и слухи,
Я знаю всё, но только не себя.*

Франсуа Вийон, «Баллада примет»

Пролог

*Тир-на-Ногт, Британский Анклав,
осень 2042 г. Седьмой год от Д.Х.¹*

– А по-моему, это прекрасно, – сказал Алекс Вечерский.

Он сидел в кресле, вытянув длинные ноги, и баюкал в ладонях пузатый бокал с коньяком. Коньяк был отличный, и кресло отличное, и по стенам бежали отличные трехмерные изображения. Саванна. Короткая жесткая трава, приплюснутые зонтики акаций и львиный прайд. Самец греется на солнце, лениво щуря янтарные глаза. Самки играют с детенышами. Вельд. Хозяин дома почтил гостя, настроив голобои на картину вельда. А может, не почтил, может, у хозяина, Бессмертного по имени Дориан, было такое специфическое чувство юмора.

– Не понимаю, что прекрасного вы находите в сложившейся ситуации.

Бессмертный Дориан чем-то напоминал свой дом. Не исключено, что стены здания были сложены из кирпича, заляпанного серой известкой, но выглядеть оно могло как угодно – хоть саванна, хоть башня из слоновой кости, хоть подземный бункер. Вот и хозяин, чье лицо и фигуру скрыва-

¹ Д.Х. – День Химеры. (Здесь и далее примеч. авт.)

ла голографическая маска, мог быть юношей, стариком или женщиной. Вечерский хлебнул из бокала и подумал, что тут главное – помнить одно: дом, даже если он кажется небесным жилищем сидов, на самом деле подземный бункер. А Дориан – Бессмертный, Бессмертный из второго поколения, и потому особенно опасен. Что ж. Тем интереснее игра.

– Подумайте сами, Дориан. Поразмыслите. Что представляли собой девяносто процентов человечества? Это же Откровение Старджона. Бессмысленная масса, гордая лишь жрать, размножаться да мучить ближних своих. Теперь их нет. Остались десять процентов, то есть мы с вами, а это уже значительно лучше. И все же недостаточно хорошо. Отбор продолжает действовать. И вот когда из десяти останется лишь один процент...

– То есть опять же мы с вами, – вставил Бессмертный, и Вечерский вновь напомнил себе, что с этим противником опасно заигрывать.

– То есть мы с вами и еще некоторое количество людей с высоким интеллектом, людей неленивых и не падких на дешевые развлечения, умеющих взглянуть реальности в лицо...

– Я слышу это от создателя самого популярного наркотика?

– Дориан, в данном случае я лишь один из факторов естественного отбора. Что пользы в замечательных мозгах, если обладатель готов спустить их в сортир ради минутного кай-

фа? Ради игры?

– А вы сами пробовали свой товар?

Бывший ученый улыбнулся и промолчал.

Час назад, когда Вечерский поднимался – или спускался – в Тир-на-Ногт, над Темзой плыли серые тучи. Серые тучи, свинцовая вода, унылые шпили Вестминстерского аббатства и вздыбившийся столп Большого Бена. Казалось, за последние полвека столица Британии ничуть не изменилась. Ключевое слово – «казалось». На самом деле стены Вестминстера в любой момент готовы были растаять, явив устремленные в небо жерла ракетных комплексов. Раздавшийся купол собора Святого Павла выплюнул бы в случае необходимости крыло истребителей, а на месте картинной галереи Тэйт зачернели бы кубы силовых установок. Вечерский хмыкнул. Бессмертные и тут оставались в своем репертуаре. Кубический ландшафт силовой станции и музей современного искусства, ангелы на куполе собора и реактивные «ангелы мщения» – да, в этом была извращенная, присущая всем задумкам Бессмертных гармония. Можно было ненавидеть Бессмертных, и бояться Бессмертных, и даже презирать Бессмертных – но нельзя было не признать, что в разразившейся биогенной катастрофе Британский Анклав устоял лишь благодаря им.

Три года назад, когда ученый бежал из пылающего, как факел, Брюсселя, он ожидал застать на острове примерно ту

же картину, что и на материке. Ворлорды, мелкие военные вожди из бывших полковников, собирали ватаги, захватывали поселки и городки, резали и грабили всех, до кого руки дотягивались, и быстро и бесславно исчезали под волной наступающих химер. Не помогали ни андроиды, ни боевые роботы – первые охотно переходили в стан врага, а для управления вторыми новоявленным феодалам не хватало квалификации. Бессмертные Европы либо погибли, либо, подобно Вечерскому, сбежали на остров.

Бывший ученый полагал, что всему виной Французская революция. Демократия прекрасна, когда каждому хватает еды и когда ревущего монстра увидишь разве что на экране кинотеатра. А вот перед лицом всеобщей гибели намного эффективнее привычка к подчинению и жесткая иерархия. В Британии, с ее многовековой монархией, иерархическое общество никуда не исчезло – просто короля Уильяма сменил Бессмертный Уильям. Сейчас, совсем как два с половиной века назад, Англия приютила беглых аристократов и отгородилась от агонизирующей Европы проливом и пушками. Хотя реальная власть сосредоточилась в руках военных, номинальное правление Бессмертных служило залогом мира. Золотая надстройка, странным образом уравнивающая общество. Так и небесная цитадель британских Бессмертных, Тир-на-Ногт, уравнивала серые облака и серый город под ними – и тоже была лишь иллюзией. Пока светящаяся жемчужным светом лестница несла ученого вверх,

его вестибулярный аппарат объявил войну зрению. Реальный Тир-на-Ногт находился глубоко под землей, а жемчужный свет, и башни, и шпили, и бастионы облачной крепости были проекцией, поступающей непосредственно на зрительную кору рядовых граждан. Только Бессмертным дозволено было знать, где – и как – на самом деле живут Бессмертные.

– Интересная гипотеза, – сказал Бессмертный Дориан.

У его маски не было лица. Не старик, не юноша и не прекрасный сид – просто гладкий пустой овал. Вечерский с нетерпением ждал, когда Дориан нальет коньяку и себе. Очень интересно было бы посмотреть, как коньяк исчезает в безротом пятне. Но коньяку себе Бессмертный так и не налил, и в этом Вечерскому почудилась нотка презрения. Превосходства нотка, мол, не пью с тобой – значит, не уважаю. Бывший ученый немедленно ощетинился и вот начал пороть чушь. Гордыня, глупейший из грехов. Впрочем, если уж пустился в словоблудие, надо держаться до конца.

– Это не гипотеза. Это закон эволюции. Его можно описать любым способом: и как выживание вьюрков с экзотической формой клюва, и как спасение Ноя с потомством. Но описывается по сути один и тот же процесс. Виду надо эволюционировать, иначе он впадет в стагнацию и вымрет. Ваш День Химеры – просто один из факторов естественного отбора...

– Мой День Химеры?

– Ваш, Дориан. Конечно, ваш. Если вернуться к параллели с ковчегом, вы – один из сыновей Ноя. Человек будущего.

И кто же виноват, что Господь повелел Ною загрузить в ковчег стаю дикого зверья? Вечерский покосился на льва на обоях, и, словно подслушав его мысли, картинка сменилась.

Занесенный снегом городок. Звуки выстрелов, крики и кровь на улицах, и ворочающиеся в снегу огромные белые туши. Урсы, полярные медведи-мутанты. Городок назывался Аврора. Один из первых городов на Аляске, уничтоженных химерами. Вечерский поежился. Кажется, голообои извлекали образы прямо из подсознания. Вопрос в том, из чьего – его или Дориана. Но откуда Бессмертному из поколения-два знать про выстрелы и кровь? Он наверняка был еще подростком, когда все началось.

– Спасибо, что познакомили меня со своими теориями, доктор Вечерский, – произнес хозяин дома.

Сменившаяся картинка его, похоже, не взволновала – или он видел совершенно другое.

– Было весьма занимательно, но хотелось бы все же перейти от теории к практике. Говорят, у вас есть для меня предложение? Нечто эксклюзивное?

«Только не выдать себя. Только не показать, насколько мне это важно, иначе я стану бессильной игрушкой в его руках, очередным трофеем в его коллекции».

– Говорят, в Москве кур доят, – пробормотал Вечерский по-русски и одним махом опорожнил бокал.

– В свете прошлогодних известий из Московского Анклава это вполне вероятно, – невозмутимо ответил Бессмертный Дориан на родном языке своего гостя.

Изображение на обоях мигнуло, сменившись сеткой помех. На секунду в мельтешении горизонтальных линий промелькнули раскуроченная Красная площадь и дымящийся остров Покровского собора. Перед собором поклевывала бульжники гигантская взъерошенная курица с разбухшим выменем.

Часть первая

Мальчик, который не отражался в зеркале

Глава 1

Земля чудес

Колдун не помнил, кто первым крикнул: «Чайки!» – а может, не первым, может, первый крик утонул в шуме вертолетных винтов. Однако это были чайки, огромное белое облако. Машина накренилась. На минуту Колдун увидел зеленую ладонь озера с мертвыми пальцами небоскребов, но затем вертолет выровнялся и тут же ухнул вниз. Пилот хотел уйти от белого облака. Не тут-то было. Вцепившись в какую-то ручку, Колдун с ужасом и восхищением смотрел, как облако меняет форму. Мультиорганизмы любили принимать разные формы, от простых геометрических до очень сложных, но у этого явно на уме было другое. На Колдуна сквозь лобовое стекло кабины, сквозь потоки разрезаемого лопастями воздуха смотрело гигантское женское лицо. Белые, сложенные из тысяч и тысяч чайчьих крыльев волосы женщины развевались, а громадный рот расплылся в улыбке. Колдун еще

успел услышать придушенный крик Вечерского за плечом, успел покрепче вцепиться в ручку – и тут нижняя челюсть воздушной тетки отвалилась, как у покойницы, и заглотала вертолет.

Мгновенно потемнело. По стеклам кабины, по дверце хлестнуло красным – это гибли чайки. Пилот что-то заорал в микрофон, но Колдун не разобрал слов. В корпус заколотило. Машина задергалась. Двигатель взревел хрипло и отчаянно, заперхал и умолк, захлебнувшись мясом и перьями. В брюхе вертолета грохнуло – наверное, один из мотоциклов сорвался с крепления. Потянуло дымом, а затем Колдуна резко швырнуло вверх и в сторону и приложило ребрами об острое.

Дальнейшее помнилось смутно. Удар и хруст, и кусок серой обшивки перед глазами, потом отчего-то сменившийся пронзительно-синим небом. С неба, кружась, сыпались белые перья. Над Колдуном на секунду мелькнуло лицо – безупречно-красивое и озабоченное, и Колдуна куда-то быстро потащили. Поволокли спиной по жесткому и неровному, а сверху всё сыпались перья. Перья постепенно утрачивали белизну, потому что с земли поднимался дымный столб. Столб коптил небо, и небо пахло куриным шашлыком и паленой резиной.

Окончательно Колдун пришел в себя, когда красивое лицо над ним сменилось другим: узким, хищным, с трехдневной щетиной на подбородке и с угрюмо горящими под выпуклым

лбом глазами. По подбородку человека текла кровь. Хантер. Колдун узнал Хантера, что не помешало Хантеру огреть Колдуна по щеке костлявой ладонью, а когда тот рефлекторно отдернулся, удовлетворенно буркнуть: «Живой».

Итак, Колдун был жив. Хантер был жив, и человек – точнее, андроид с безупречно-красивым лицом, назвавшийся на корабле Роем Батти, – тоже был жив. Пилот рухнувшего вертолета был мертв, ему снесло голову какой-то железкой. Вечерский умирал.

Двадцать четыре часа назад они стояли на палубе авианосца «Адмирал Нельсон». Внизу катил свинцовые воды Атлантический океан. Палуба была здоровенной, испещренной белой и желтой разметкой и почти пустой. Там хищно ссутулился принесший Колдуна «Призрак», а у дальнего борта стоял «Морской ястреб», напоминавший вовсе не ястреба, а цистерну с пропеллерами. Вертолет как раз сейчас заправляли топливом.

Вечерский представил новоприбывшего и ушел говорить со старшим офицером. По палубе гулял сырой ветер. В воде чернели спины косаток. Матросы утверждали, что стая давно таскается за кораблем. Для нападения на авианосец у мутантов зубы были коротки, но твари не утрачивали оптимизма. Они давно разобрались с рыболовецкими судами и с торговым флотом и правили этими водами. Серая туша авианосца вызывала у хищников ревность, ревность притупляла

осторожность. Одна из тварей, громадина, вполне способная целиком заглотать кита, отделилась от стаи и поплыла к кораблю.

– Смотрите, – буркнул Хантер. – Сейчас будет интересно.

Черный плавник уже маячил совсем близко от борта, когда из воды что-то взметнулось. То ли шея, то ли щупальце, бурое, склизкое, покрытое наростами, оно захлестнуло косатку. Море вскипело. Могучий хищник рванулся, выбросив многометровые фонтаны, но щупальце мерно и уверенно потащило бьющуюся добычу в глубину.

– Вот так-то, – сказал Хантер, как показалось Колдуну, с мрачным удовольствием.

Охотник вытащил изо рта сигарету и сплюнул за борт. Рой, стоящий рядом, не смотрел на поединок морских тварей. Он приглядывался к оставшимся косаткам, словно прикидывал, как бы половчее засадить гарпун в бело-черный бок.

Андроид сразу понравился Колдуну – ни дать ни взять игрушка из военного набора, с лицом актера двухмерного кино... Рутгер, Рюгер? На его десантном комбезе не было знаков различия, но для рядового Батти держался слишком уверенно. Вместо того чтобы отсалютовать человеку, андроид протянул ему руку.

Хантер тоже был хорош в своем роде – ковбойская рубашка, узкие потертые джинсы и щегольские сапоги, мало подходящие для пеших прогулок. На его широком кожаном по-

ясе висела фляга. К этому бы шляпу да в салун, к развеселым девкам, но коротко остриженные, русые с проседью волосы охотника покрывало вылинявшее кепи. Кепи сдувало ветром, и охотник то и дело уморительно хватался за козырек. Говорил он с мягким акцентом американского юга, однако слишком уж тянул гласные, отчего акцент казался не натуральным, а старательно поставленным.

А вот Колдун, похоже, лесному рейнджеру не понравился. Насладившись гибелью косатки, охотник сощурил блекло-голубые глаза, прикурил новую сигарету и процедил:

– Не врубаюсь. Ну ладно он... – Тут охотник ткнул сигаретой в сторону Роя. – Полезная железяка. Но ты, сосунок, на кой нам сдался? Учти, будешь проситься к мамочке – брошу тебя в лесу.

Колдун мягко улыбнулся:

– Называя мистера Батти железякой, вы заблуждаетесь. Андроиды на девяносто пять процентов состоят из биологических тканей, а генетически мало отличаются от нас с вами.

– А теперь повтори эту чушь еще раз, нормальным языком, – окрысился Хантер.

И Колдун бы несомненно повторил, но наметившаяся ссора так и не состоялась. Выкрашенная серой краской дверца, ведущая на мостик, открылась, в проеме показался Вечерский и махнул им рукой. За спиной у него маячил офицер в британской летной форме. На палубе началось шевеление – похоже, «Адмирал» менял курс. На западе сплошной стеной

поднимался туман, а за туманом были поросший соснами берег и тысяча островов в устье большой реки.

– Скат, Скат, я Робинзон. Скат, я Робинзон, отвечайте. – Батти опустил рацию и покачал головой. – Нет связи.

Прислонившийся к перевернутому вагончику Хантер скривился:

– Сможешь ее починить?

– Дело не в рации, сэр. Что-то глушит сигнал. – Андроид сунул прибор под нос Хантеру и ткнул пальцем в экран. Судя по его дальнейшим словам, на экран Рой вывел карту местности. – Здесь, в районе Барри. Мощный генератор помех. Пока его не отключим, связи с кораблем не будет.

– Тогда поехали в Барри.

Колдун лежал на спине и смотрел вверх. Вверху повисли перистые облака, подсвеченные закатным солнцем. Снегопад из перьев кончился. Сбросив вертолет с принадлежавшего им неба, чайки утратили интерес к разбитой машине и к людям. Стая разлетелась, лишь несколько жирных птиц расселись по опорам и искореженным рельсам «русских горок».

Вертолет рухнул в парке аттракционов Парамант-Канада-Уондерленд. В бывшем парке.

Четыре года назад основной удар британских ВВС пришелся на центр Торонто. Армейская верхушка давно планировала вернуть западный материк в лоно Британской импе-

рии, и время и место показались подходящими. Жители Торонто либо погибли, либо бежали в Европу, либо разбрелись по лесам, а химерам северное побережье озера Онтарио почему-то не понравилось. Как плацдарм для будущего наступления район был почти идеален. Два гражданских и несколько военных аэродромов с уцелевшими во время беспорядков посадочными полосами могли принять все необходимые грузы. Требовалось лишь освободить дороги для прохождения бронетехники, и путь открывался не только к канадским городам, но и – через Ниагарский мост – к Буффало, Бостону и Чикаго.

Первая часть операции прошла на ура, а вот затем дело застопорилось. Монстры волна за волной хлынули в зачищенный андроидами район. Грузовые самолеты разбивались при посадке – обезумевшие птицы кидались в турбины. Урсы и менее страшные, но более многочисленные бурые медведи-мутанты поперли с севера. Даже обычные черные городские белки вдруг стали разносчиками чумы. Словно некто объявил всеобщую мобилизацию химер. Обезумевшая природа сознательно и планомерно давала отпор войскам. И людям пришлось отступить. Уходящие десантники в отместку сожгли все, что еще не успело сгореть, и город окончательно превратился в руины. Возможно, тогда сгорел и парк.

Если честно, в таком виде Колдуну Земля Чудес нравилась всяко больше. Перекрученные рельсы «русских горок» и погнутые опоры «шотгана» напоминали детали гигантской

головоломки. Они скрипели и пели на ветру. Подпевали ржавые кабинки, нежно похрустывало битое стекло, синкопой гремели двери уцелевших киосков. Прекрасная, гармоничная музыка одиночества, вписанная в ветреный закат. Колдун бы с удовольствием задержался здесь подольше, ведь мертвое железо устроило концерт специально для него... К сожалению, Колдун был в парке не один. Двое, переругивающиеся у него за спиной, портили все удовольствие. Предметом спора был Вечерский. Колдун поморщился и вернулся к объективной реальности, данной нам в ощущениях.

Андроид уже успел выгрузить из разбитого вертолета оружие и снаряжение. Сейчас на его огромном рюкзаке лежала винтовка М16-ТК, гибрид огнестрела и лазера. А Хантер свой карабин сразу закинул за плечо. Небольшой пневматический арбалет и нож в широких ножнах он не снимал с пояса и в вертолете. Фляжку охотник держал сейчас в руках и время от времени делал щедрый глоток.

Мертвого пилота Батти оставил в машине, а Вечерского вытащил и уложил на лист фанеры. Еще угадывался на фанерке полинявший рисунок – большой рожок мороженого. Сейчас рожок перечеркнула красная полоса.

Вечерский лежал, глядя в небо блеклыми голубыми глазами. Веснушчатое лицо побелело, и оттого особенно яркими казались рыжие негустые волосы. Из груди раненого высывался металлический штырь. Судя по лопающимся на губах Вечерского кровавым пузырям, железка пробила легкое.

Рой Батти сидел на корточках рядом с умирающим. Комбез спереди испятнало бурым – испачкался, пока тащил Вечерского. Сам андроид не получил ни царапины. У Хантера все еще кровила то ли рассеченная, то ли прокушенная губа, а у Колдуна немилосердно ныли отбитые ребра.

Вечерский снова захрипел. Кровавая пена изо рта выступила обильнее, и вокруг железного прута запузырилась кровь. Колдуну в голову пришла мысль об эскимо на палочке. Эскимо без глазури, истекающее малиновым сиропом...

– Надо ввести ему обезболивающее, – сказал Батти.

Хантер фыркнул и отвернулся. Андроид поднял голову:

– У вас есть другое предложение, сэр?

– Нет. Хоть всю аптечку ему вколи, мне-то что?

У меня задание ясное – найти бабу, приволочь на корабль либо ее, либо вытяжку ее РНК. Забрать то, что мне причитается. И свалить. Вы, два клоуна, мне для этого не нужны.

– Мы не можем вернуться на корабль без связи и без транспорта.

– Это ты не можешь, железяка хренова. А я все могу.

От их перепалки трещала голова. Колдун отвернулся, ища, как бы отвлечься, и кое-что заметил.

В парке были не только люди. От развалин «Макдоналдса» тянуло чем-то веселым и диким.

Колдун поднялся, засунул руки в карманы плаща и зашагал к «Маку». Остальные двое, кажется, не заметили его ухода. Он шел по дорожке, пиная осколки стекла и куски ока-

лины, вдыхая запахи давнего пожара и все еще продолжающегося тления. Временами Колдун поднимал голову и глядел на черные ребра аттракционов и белый, робкий пока еще ломтик луны в синеющем небе. Рядом с луной разгоралась маленькая звезда.

Золотые арки «Мака», как ни удивительно, не пострадали. Две светлые дуги, а ниже скелет здания с одной устоявшей стеной. Оплавившийся пластиковый клоун валялся на спине у входа и тоже любовался луной. А в самом здании уцелела детская игровая площадка. Странно, но не сгорели ярко-красные маты, кубы и пирамидки, не сгорела веселая красно-синяя горка. С горки катилось существо. Но прежде чем Колдун разглядел существо (хотя и не прежде чем почувствовал), он ощутил густой нашатырный запах.

Человек пришел с подветренной стороны. Должно быть, обоняние существа притуплял собственный мощный аромат, потому что зверь заметил пришельца не сразу. Приземистый, эдакий мохнатый коврик на ножках – но ростом с хороший журнальный стол – с печальной треугольной мордой и бело-черными боками, зверь катился с горки. Неподалеку два его приятеля терзали красную пирамидку. Зубы у приятелей были как пилы. От пирамидки летели клочья искусственной кожи.

Звери Колдуну понравились. Веселые такие зверюшки... Он шагнул вперед, чтобы рассмотреть резвящихся тварей получше, как вдруг что-то сильно дернуло его за ногу. Кол-

дун рухнул на разбитую плитку дорожки. Перед глазами оказалось обтянутое кожаной курткой плечо, и Хантер прошипел:

– Ты что, чокнутый? – У плеча торчал ствол карабина.

– Не стреляйте, – попросил Колдун. – Они же просто играют.

Но твари уже не просто играли. Та, что скатывалась с горки, очертила зубастую пасть и резво понеслась вперед. «Так, наверное, атакует акула», – подумал Колдун, глядя на треугольник зубов, и только секунду спустя вспомнил, что акулы для атаки переворачиваются на спину.

Над ухом грохнул выстрел. Тварь кувыркнулась и зарылась мордой в обломки. Две ее товарки уже спешили на помощь, визжа и источая зловоние. Над головой Колдуна простучала очередь, остановившая бег тварей – но поздно. Развалины вскипели черно-белыми горбатыми спинами.

– Сматываемся! – заорал Хантер и рванул Колдуна за локоть.

Над парком заметалось эхо. Андроид бил без промаха, короткими очередями, однако тварей было много. Вся округа кишела ими, они перли спереди и с боков. Колдун прищурился, отыскивая самую крупную. Ага, вот он, коренастый, почти квадратный самец. Мощная грудь, короткие кривые лапы с длинными когтями, широкая оскаленная пасть. Колдун сосредоточился. Зверь развернулся и цапнул ближайшего к нему кореша за холку. Затряс головой, как терьер, лома-

ющий хребет крысе. Жертва взвизгнула и рванулась, оставляя в зубах нападавшего кровавые ошметки шкуры, а Колдун уже переключился на следующего. Новый зверь умело вспорол соседу живот. На грязный бетон хлынули кишки. С дюжину черно-белых хищников отвлеклись от людей и кинулись добивать упавшего. В воздух полетели багряно-черные внутренности, кольцо пожирателей сомкнулось. Добиваемая скотина орала. Вскоре на месте игрового зала «Макдоналдса» катался полосатый, воющий и визжащий клубок.

Когда Колдун развернулся к товарищам, в лоб ему смотрело дуло карабина. Хантер, оскалившийся, мертвенно-бледный в наступивших сумерках, пятился и бормотал:

– Мутант... Тварь из леса. Один из этих, а?

Колдун на всякий случай поднял руки и пояснил:

– Я родился в городе.

Это не помогло. Наверное, рейнджер нажал на спуск, потому что громыхнул выстрел. Но сам охотник уже валялся на земле, а его карабин был в руках у Батти. Хантер вытаращился на андроида:

– Ты на кого руку поднял, сука?

– Простите, сэр, но мой приоритет – защита человеческой жизни...

– Я родился в городе, – повторил Колдун. – Предки работали на фабрике по производству «Вельда», ну и вот... Так получилось.

– Сэр, – с издевательской вежливостью проговорил сол-

дат. – Не важно, где вы родились. Но если сейчас не пошевелите ногами, умрете вы здесь.

С юга, со стороны города, раздался вой. Кажется, к бело-черным спешило подкрепление, а может, это был кто-то новенький.

Батти, все еще сжимая в руке карабин – винтовку он закинул за плечо, – вздернул Хантера на ноги. Охотник трепыхнулся, но хватка у андроида была железная.

– Карабин отдай, – буркнул Хантер, отводя глаза. – Не буду я в него стрелять.

Поколебавшись не больше секунды, Батти вернул охотнику карабин. Стрелять тот и правда не стал, но, когда они отступали по дорожке, мимо мертвого тира, мертвых аттракционов и мертвой горы, следил за Колдуном, а не за сцепившимися в обломках «Мака» химерами.

А с Вечерским надо было решать. Сгустились сумерки, от земли пополз туман, и вой на юге стал заметно сильнее. Вверху зелено мерцали кабинки колеса обозрения, с которых еще не полностью слезла фосфорическая краска. Вороньим гнездом темнел запутавшийся в «русских горках» корпус вертолета.

Раненый все не умирал, хотя по замыслу давно должен был захлебнуться собственной кровью. Черная корка почти залепила рот, и андроид периодически счищал ее гигиенической салфеткой. Колдун подозревал, отчего Вечерский дер-

жится так долго, но высказывать подозрения не собирался. Андроид и Хантер опять препирались.

– Я не могу бросить человека, – сказал Батти.

– Программа не позволяет?

Андроид не ответил.

– Ладно. Не можешь бросить – грузи на мотоцикл, и почесали отсюда.

Из четырех мотоциклов, входивших в снаряжение отряда, два пережили падение и сейчас стояли у чертова колеса, сцепившись рулями.

– Его нельзя трогать, сэр. Он умрет, – упрямо повторил Батти.

– Да он и так покойник!

Вздыхнув, Колдун присел на корточки рядом с Вечерским и положил ладонь ему на лоб. Раненый захрипел. Охотник стремительно обернулся:

– Эй, гаденыш мутантный, ты чего с ним делаешь?

Вечерский мучительно пытался что-то сказать. Колдун поднял глаза:

– Он хочет, чтобы мы оставили его здесь.

– Так ты и людей, сучара, читаешь?

– Не людей. Не всех людей. Тех, кто подключен к «Вельду».

Хантер недоуменно моргнул, и Колдун добавил:

– Это вроде компьютерного интерфейса.

– Пацан, «Вельд» – это дурь. И в башке у тебя дурь.

Раненый дернулся. Глаза его закатились.

– Он что-то транслирует, – тихо сказал Колдун. – Я не знаю, кому и куда.

Рука Вечерского шевельнулась, принялась ощупывать землю вокруг. Колдун подsunул под шарящую руку осколок стекла. Сжав осколок и по-прежнему не открывая глаз, Вечерский с силой выцарапал на фанере «ОСТА». Буквы вышли кривыми, едва видными в последнем дневном свете. Пальцы умирающего разжались, выронили осколок.

– Откуда я знаю, что это не ты всунул ему в башку? – сварливо спросил Хантер.

– Вы же сами хотели его бросить.

Андроид молча подошел к мотоциклам и принялся приторачивать груз. Хантер поглядел на это, плюнул и злобно бросил:

– Как хотите. Придурки.

– А я не умею ездить на мотоцикле, – сообщил Колдун.

Батти обернулся:

– Сядете со мной. И вот еще... – Он подошел, на ходу расстегивая поясную кобуру с «береттой». – Стрелять умеете?

– Умел когда-то. – Колдун предпочел не уточнять, что стрелял лишь в компьютерном симуляторе.

Андроид протянул ему пистолет:

– Положите куда-нибудь, чтобы можно было быстро достать. С предохранителя не снимайте.

Колдун сунул «беретту» в карман и порадовался, что у

него в плаще такие большие карманы. И подумал, что неплохо бы во что-нибудь пострелять.

Вечерского они все же не оставили на съедение тварям. Поднатужившись, Батти перевернул одну из вагонеток детской железной дороги и накрыл ею раненого, как колпаком. Или крышкой саркофага. Колдуну показалось, что последний взгляд Вечерского из-под края вагонетки был благодарным – но в темноте легко обмануться.

Андроид ловко оседлал мотоцикл. Колдун пристроился сзади и, хихикнув, вцепился Батти в плечи. Плечи были тверже железа, все пальцы обломаешь.

На соседней «ямахе» сторбился Хантер, карабин за плечом, сигарета в зубах. Машины взревели. Вспыхнули белые лучи фар. Огибая развалины, они промчались к разрушенной арке входа, вылетели из парка и понеслись на северо-запад, к шоссе, ведущему в населенный пункт Барри.

Глава 2

Quid Pro Quo

Зверь просыпается в своем логове. Зверь просыпается в своем логове на третьем подземном этаже разрушенного здания, где он дремал, уткнувшись носом в передние лапы. Он спал и видел приятные сны об охоте и самке. Зверь открывает глаза, потому что сквозь бетонные перекрытия, сквозь метры кабеля и проводки, мотки изоляции, сквозь стылый осенний воздух над развалинами, сквозь наступающую ночь и впереди этой ночи несется Зов. Зверь открывает огромные глаза цвета янтаря и пружинисто вскакивает, он мчится – в крошечной тьме, в сыром запахе плесени и нежности, гнилого тряпья, давней беды – он мчится вверх по лестницам и переходам.

Протиснувшись в дыру в кладке и миновав узкий, почти осыпавшийся земляной ход, он встает во весь рост. Зверь огромен, грозен силуэт его в сумерках. Зверь похож на волка, но в два раза крупнее любого волка, его глаза горят желтым, его шерсть черна, а на загривке чуть поблескивают седые шерстинки. Зверь не молод, но и не стар.

Там, где он вылез из-под земли, некогда была автостоянка. Там ржавеют скелеты машин и желтеют скелеты людей, там с кузова на капот перепархивают жирные черные вороны. Заметив зверя, вороны срываются и стаяй спешат

туда, где еще тлеет закат, спешат на ночевку. Зверь пугает птиц. Иным вечером он был бы не прочь погонять ворон, но не сейчас, не сейчас. Сейчас ему надо спешить.

Зверь срывается и длинными скачками несется вверх по улице, и за ним – по стенам домов, где выбитые окна, и гарь, и граффити, и царапины от огромных когтей, – за ним бежит его тень, черная на красном. В нетронутых стеклах верхних этажей изламывается багровое солнце, вспыхивает в последний раз и гаснет, и дальше зверь мчится в сумерках. Мимо трехэтажных кирпичных особняков, ветхих деревянных домов, пустых коробок небоскребов; через город, в котором не осталось живых людей, где слышен лишь шелест ветра, да писк случайной крысы, да шепот теней, зверь выбегает на шоссе и мчится на север, туда, куда ведет его Зов.

– Итак, если отвлечься от дойных кур – что вы хотите мне предложить?

Вечерский вновь наполнил свой бокал, пригубил и только затем ответил:

– Вы правы. Я хочу предложить вам нечто эксклюзивное. Самое эксклюзивное, что вообще можно предложить: почти неограниченную власть и бессмертие.

Безликая маска не могла улыбнуться, но голос Дориана прозвучал так, будто он улыбался:

– Бессмертие? Вы не считаете, Алекс, что предлагать бессмертие Бессмертному – это моветон?

Вечерский улыбнуться мог и использовал эту возможность по полной.

– Давайте не будем юлить и играть словами.

Я знаю, что вы употребляете «Вельд». И я знаю, каковы последствия. Сколько из ваших друзей уже свихнулись? Сколько стали слюнявыми идиотами, а, Дориан?

– У меня нет друзей, – сказала маска, как почудилось Вечерскому, с грустью.

– Не важно. Вы поняли, о чем я говорю. У моего снадобья есть недостатки. Коктейль нестабилен – это раз, разрушает психику юзеров – это два, и позволяет одновременно контролировать лишь одну химеру – это три.

– И вы предлагаете...

– И я предлагаю приникнуть к источнику. К ориджину, так сказать.

– Вы говорите о...

– Я говорю о Саманте Морган. Мне известно, что она использовала свою ДНК для создания химер. То, что объединяет всех монстров, – это участки из генома Морган. – Бывший ученый взглянул на собеседника. Маска кивнула, и Вечерский продолжил: – В состав «Вельда» входит РНК химер. Но если взять те последовательности, которые имеются у каждой из сконструированных Морган тварей, вы обретете способность контролировать любую химеру. Или всех их одновременно. Сто, тысячу, миллион... насколько хватит мощи вашего разума. К тому же в присутствии ориджина

«Вельд» стабилизируется, так что сумасшествие вам угрожать не будет. Власть над монстрами без риска стать одним из них – представляете, какая это сила? Вы сможете создать собственную армию. Стать правителем мира. Или его спасителем, мессией, если это вам больше по душе... Все, что мне потребуется, – люди и снаряжение, чтобы найти Морган.

Дориан, в продолжение разговора стоявший у стены, пересек комнату, сел в кресло и опустил подбородок – или, вернее, нижний край маски – на сцепленные кисти.

– Так вам все равно, Алекс?

– Что «все равно»?

– Все равно, стану я деспотом или мессией? Вы готовы предоставить мне такую власть, не зная наверняка, для чего я ее использую?

Вечерский наклонился вперед в своем кресле, всматриваясь в маску, пытаясь – безнадежно – разглядеть за ней лицо. Не разглядев, хмыкнул:

– Я торговец наркотиками, Дориан. Точнее, одним, но самым дорогим и самым мощным наркотиком. И вы апеллируете к моей морали?

– Нет. Мне просто интересно. Интересно, как вы мыслите. Поэтому давайте на минуту отвлечемся от дел и поговорим о личном. О вас. Вы любили Морган?

Зверь останавливается на городской окраине и принохивается. Пахнет добычей, пахнет свежей кровью. Через мо-

лодию роищу, выросищу на месте парковки «Коско», стая диких собак-канивров гонит молодого оленя. Олень уже ранен, но пока не сдаётся – он оторвался от преследователей и, прихрамывая, мчит к реке. Горячий и сладкий запах тревожит зверя. В другую ночь он разогнал бы псов и сам вонзил бы зубы в трепещущий загривок, но теперь надо спешить. Рыкнув, зверь срывается с места и бежит, все набирая скорость. Вой стаи и хрип погибающего оленя остаются позади, а впереди – только дорога и Зов.

В первую секунду Вечерский опешил, а затем разозлился, но быстро подавил злость. Просто Бессмертный Дориан опять играет. Они играют всегда, всюду и всеми, играют людьми, андроидами, химерами и даже собой. Новый подвид человека: Homo Ludens, Человек Играющий.

– Вам нет до этого дела.

– Ошибаетесь, – вкрадчиво произнес хозяин. – Есть. Это ведь вы, Алекс, просите у меня деньги и людей в обмен на некое предполагаемое могущество. Но ваш философский камень, «Вельд-два», или как вы там его назовете, то ли будет, то ли нет, а раскошелиться я должен уже сейчас. Притом без всякой гарантии на получение прибыли – Морган искали многие, но не нашел пока никто. С другой стороны, вы мне интересны, а для удовлетворения интереса я готов рискнуть. Поэтому я предлагаю вам сыграть.

«Вот так сюрприз», – с мрачной иронией подумал Вечер-

ский. Чего-то подобного и следовало ожидать, а он, дурак, не подготовился. Ко всему подготовился, а вот к кошачьим игрищам – нет. Плохо. Совсем плохо, плохо не потому даже, что исход дела зависит от прихоти скучающего психопата, а потому, что, зная вводные, он, Вечерский, не просчитал этот вариант.

– Сыграть во что?

– Вы были в бойскаутах? Очень американская штучка – бойскауты, почти как яблочный пирог и «Волмарт»... Ах, впрочем, что же это я? Вы ведь из России, значит, не бойскаут, а пионер...

Вечерский устало прикрыл глаза.

– Дориан, я родился в девяносто пятом. Как вам отлично известно, никаких пионеров тогда давно уже не было.

– Хорошо, – покладисто согласился Бессмертный. – Вы не были в бойскаутах и в пионерах тоже не были, но, возможно, слышали про игру «Правда или поступок»?

– Да, слышал.

– Отлично. Сыграем. Тот из нас, кто откажется отвечать на вопрос или сделать то, что предложит другой игрок, проиграл. Если проиграю я, вы получите людей и экипировку для вашей экспедиции.

– А если я?

– Если проиграете вы – я вас убью. Прямо здесь и сейчас. Согласны?

«Да он совершенно чокнутый, – с холодком в груди по-

нял Вечерский. – Он, казавшийся мне самым вменяемым из второго поколения, ничуть не лучше остальных. Интересно, если я соглашусь на его условие и проиграю, в какой зачет в какой безумной таблице пойдет моя смерть? Или у них нет таблиц? Или они играют не ради спортивного интереса даже, а из чистой любви к искусству? Или еще хуже – от скуки?»

– Я согласен, – сказал Вечерский.

Маска захлопала в ладоши, как малыш при виде рождественской елки.

Перед зверем протянулся мост. Длинный мост, под которым грохочет река, но грохот реки перекрывает рев огромного водопада. Над двойной его белой громадой стоит облако водяных капель, и зверь фыркает – он не любит воду. Мост забит машинами. Мертвыми машинами, проржавевшими во влажном воздухе. Ржавчина и труха. Зверь фыркает еще раз и вспрыгивает на крышу ближайшего автомобиля. Крыша едва не проламывается под его тяжестью. Когти царапают железо, и железо жалобно скрипит – но зверь уже перескакивает на соседний пикап, и несется дальше, дальше, под хруст и ропот крошащегося металла. Дальше, туда, где чернеют развалины казино, где нет ни одного огня – лишь белые крапинки звезд, размытые и тусклые в облаках водяного пара.

– Одно дополнительное условие. Если выбираем «посту-

пок», вы не можете попросить меня финансировать вашу экспедицию, а я не могу попросить вас разmozжить голову о стену. Вообще, давайте так – все, что мы потребуем сделать, должно быть сделано в пределах этой комнаты.

– Хорошо, – нетерпеливо согласился Вечерский. – Кто начинает?

– Начинаю я. И, извините, я уже задал вопрос, так что придется нам слегка отступить от правил. Считайте, что вы выбрали «правду». Итак, вы любите Морган?

Вечерский стиснул зубы. Ну конечно. Весь спектакль Бесмертный затеял ради того, чтобы удовлетворить свое поганое любопытство. Он ведь не привык слышать «нет», этот избалованный сукин сын, называющий себя Дорианом.

Их с Самантой познакомил генерал Грегори Амершам, вездесущий Амершам, Генерал Куда-ни-Плюнь Амершам. Вечерский очень легко мог представить, как почти сотню лет назад на его бывшей родине такие вот Амершамы (хотя, возможно, звали их Воробьевыми или Синицыными) опекали закрытые шарашки. Покровители наук. Того по головке погладят, тому погрозят пальчиком, глядишь, вот и испекли атомную бомбу... Этот Амершам был рослый, с лошадиным лицом и улыбкой голливудской звезды.

– Вы оба рыжие, – заявил генерал, покровительственно скалясь. – Значит, сойдетесь. Но ты, Алекс, бойся этой женщины. Не женщина – огонь.

Женщина-огонь глядела на Вечерского огромными карими глазами. Вот странно – лицо у нее жесткое и даже надменное, а глаза мягкие, бархатные глаза. Рукопожатие по-мужски крепкое. Алекс попытался заглянуть в карие очи поглубже и понял, что они обманчивы. Поверхность расступилась, но лишь до определенной глубины, а за ней – кремень, скала. Саманта Морган улыбнулась холодной приветливой улыбкой и сказала:

– Вы, наверное, хотите осмотреть вашу будущую лабораторию.

Генерал полюбовался выражением лица своего подопечного и радостно заржал.

Алекс всегда был робок с женщинами, но Саманту – он уже мысленно называл ее Сэмми – пригласил на ужин в тот же вечер.

– Отлично, – ответила она, тряхнув рыжей гривой. – Я как раз собиралась предложить вам то же самое. У нас традиция – угощать в ресторане всех новичков. Вы какую кухню предпочитаете – индийскую, тайскую? Или вашу, русскую? Я знаю отличное место на Кингс-стрит... – Должно быть, женщина заметила в глазах Вечерского тень разочарования, потому что улыбка ее смягчилась. – Алекс. У вас в резюме так и написано: Алекс. Это Александр или Алексей?

– Александр.

– Ах да, конечно. Алексей – это Льюша, Альоша.

От этого нежного «Льюша» в груди Вечерского дрогнуло,

и он подумал, что между ними обязательно что-то будет – не сегодня, так завтра.

После ужина как-то случайно оказалось, что уже все разъехались и только они сидят за столиком и обсуждают интереснейшую тему: является ли способность узнавать свое отражение в зеркале признаком сознания. Морган считала, что да и что дельфины, шимпанзе, гориллы и слоны не менее разумны, чем люди. У правого уголка ее рта осталось пятно карри, и Вечерский, потянувшись через стол, аккуратно стер пятно салфеткой. Затем они поспорили, кто будет оплачивать счет, скинулись поровну и вышли из ресторана. Был вечер. Тиха была бостонская улочка, застроенная кирпичными особняками, тихи и неподвижны канадские клены и разгорающиеся над ними звезды. Фирма предоставляла Вечерскому машину, но ее должны были подогнать лишь завтра, и Морган распахнула перед ним дверцу своего «рэнджровера». Они доехали до подъезда одного из многих неразличимых кирпичных особняков, где весь первый этаж поступил в распоряжение нового сотрудника («А затем, если вы предпочитаете загородный дом, у нас есть несколько вариантов»). И конечно, Вечерский пригласил коллегу на чашечку кофе, и конечно, коллега сослалась на занятость и усталость. Алекс махнул вслед отплывающему от тротуара джипу. Джип прощально мигнул задними фарами и завернул в переулок. Все получилось как всегда...

– Да, любил, – ответил Вечерский, глядя в белый овал маски. – Я любил ее.

Бессмертный кивнул:

– Спасибо за честный ответ. Ваша очередь.

– Правда или поступок? – спросил бывший ученый, чувствуя себя идиотом.

– Давайте правду.

Что же у него спросить? Как его расколоть, мерзавца? Бессмертные живут ложью, они не выносят правду, в первую очередь правду о себе. Они вечно играют, блефуют, держат покерное лицо – значит...

– Как вас зовут по-настоящему, Дориан?

Маска помедлила и неохотно ответила:

– Джеймс Оливер Эмери.

– Эмери? Вы сын леди Эмери?

– Это уже второй вопрос, а сейчас моя очередь.

– Хорошо. Я весь в ожидании.

– Правда или поступок?

Вечерский тоже выбрал правду, и Бессмертный тут же спросил:

– Вы с Морган были любовниками?

Бывший ученый вздрогнул, потому что и сам не знал настоящего ответа.

... Через неделю Вечерский с головой ушел в работу, и потому, когда Саманта объявилась в его лаборатории и пота-

щила за собой в темную комнату, решил, что ему сейчас покажут результаты особенно важного белкового форе́за. Вместо этого, когда свет в комнате погас и под потолком загорелась красная лампочка, женщина распахнула халат, а за ним и легкую блузку – бюстгальтера под блузкой не оказалось – и положила руки Вечерского себе на грудь. Он все еще пытался понять, что происходит, когда в подсвеченной красным темноте ладонь Саманты скользнула вниз и расстегнула молнию у него на брюках. Прохладные пальцы легли на его член, обхватили, сжали, и прозвучал голос Саманты – твердый, суховатый:

– У меня обнаружили ранний Альцгеймер. Прионной природы – значит, неизлечимый. Через два года я превращусь в слабоумную хихикающую развалину. *Carpe diem*², Алекс.

Рука женщины двигалась аккуратно, сноровисто, но Вечерский не мог – не под такие слова, не в этой красной, пропахшей химикатами темноте. Его ладони соскользнули с груди Саманты. Она разжала пальцы и, отступив, улыбнулась:

– Напрасно, Алекс. Второй попытки не будет. – Запахнула халат и быстро вышла из комнаты, не забыв по дороге врубить свет.

А Вечерский так и остался стоять у машины для проявления пленок, злой, красный и со спущенными штанами.

Второй попытки Саманта Морган ему действительно не

² Лови момент (*лат.*).

дала. Нет, не дала, потому что нельзя же ту пьяную, безобразную ночь в парижской гостинице считать второй попыткой.

– Нет, – сказал Вечерский, и лишь когда произнес это вслух, почувствовал, что говорит правду. – Нет, мы не были любовниками.

– Занятно. Ну что ж, продолжим. Я готов правдиво ответить на следующий ваш вопрос.

«Ах ты гнида, – подумал Вечерский, – будет тебе сейчас вопрос».

– Кто ваш отец?

– Военный, – быстро ответил Бессмертный.

– Вы жульничаете.

– Ничуть. Если хотели получить точную информацию, следовало спросить, как моего отца зовут. И вы можете спросить, когда снова наступит ваша очередь, но сейчас моя. Правда или поступок?

– Правда, – с ненавистью сказал Вечерский.

– Вы придерживаетесь одной стратегии, а это ведет к проигрышу.

– Посмотрим.

– Хорошо. Вы действительно сдали Морган с потрохами генералу Амершаму?

«А ведь я хочу его убить, – с удивлением понял Вечерский. – Я бы его убил прямо здесь, будь у меня такая воз-

возможность. Спокойней, Алекс, спокойней. Не стоит тратить эмоции на нечто неосуществимое».

– Да или нет, Алекс?

Они работали вместе еще долго, два года, и неизменно вежливо улыбались друг другу – даже тогда, когда больше всего хотелось вцепиться друг другу в глотку. Это хуже ненависти, это презрение. Презрение со стороны Морган; глухое отчаяние, переходящее в злобу, – с его стороны. И ревность. Страшная, слепая ревность – не к человеку, не к вещи. К науке. Когда появились первые результаты, касающиеся телепатического интерфейса, Морган сделалась почти счастлива. Ему хотелось, чтобы она была счастлива с ним. Чтобы ее бархатные глаза сияли при виде его, а не при виде бегущих по экрану статистических данных.

Вся беда в том, что Саманта была гением, самым обыкновенным гением, из тех, что рождаются раз в сотню лет. А он, Вечерский, гением не был. Он был просто человеком и хотел человеческого: славы, признания. Любви. Саманта же хотела таблетку от одиночества, немного живого тепла: ровно столько, чтобы не отвлекало от работы. Но любовь не продается в таблетках, а если упаковать ее в приторную оболочку пилюли, становится не лекарством, а ядом.

Таким же ядом сочлись благожелательные слова пригласившего его в свой кабинет человека.

Грегори Амершам на публике мог выглядеть добродуш-

ным старым меринном или беззаботным кутилой, но настоящим он был только здесь, в сером офисе на одном из бесчисленных этажей серого нью-йоркского здания. Офис был безлик. Стол и стул для посетителей – ни картин на стенах, ни фото жены и детей, ни припрятанной в одном из ящиков стола бутылки, Вечерский не сомневался. Только серая, безликая функциональность.

– Вот что, Алекс. Я ведь могу называть вас Алексом? Ну и отлично. Как у вас продвигаются дела с грин-кард?

Вечерский поежился.

– Неплохо.

– Неплохо? Не приходится стоять в очередях в компании мексиканских гастарбайтеров и китайских работяг? От китайцев всегда так несет... – Генерал усмехнулся.

Вечерский подумал, что, если Амершам сейчас достанет из ящика пачку сигар и закурит, и предложит сигару собеседнику, они еще смогут договориться. Не достал и не закурил.

– Так вот, Алекс. Мне хотелось бы, чтобы вы знали: я здесь, чтобы оказывать вам помощь. Любую необходимую помощь, как в работе, так и в других делах. Мы очень ценим ваше сотрудничество.

– Благодарю...

– Извините, я еще не договорил. Для того чтобы оказывать вам помощь, я должен знать, как продвигаются ваши исследования. Знать все, что происходит в лаборатории. В

вашей, Алекс... и в соседней. Саманта – блестящий ученый, но у нее слишком высокое самомнение. Она полагает, что со всем управится сама. Но мы с вами ведь понимаем, что это не так?

Генерал улыбался. Его длинные губы как будто аккуратно взяли за кончики и подтянули к ушам. Он не утруждался даже изобразить блестящую голливудскую улыбку, которой славился в обществе. Зачем? Не перед тем же, кто целиком от него зависит, кто без его поддержки окажется в толпе мексиканских гастарбайтеров и дурно пахнущих китайцев.

– Я хочу уточнить, – сказал Вечерский, – вы требуете, чтобы я шпионил для вас за Самантой Морган?

– Да, если вам угодно так это сформулировать.

– А если я скажу «нет»?

Грегори Амершам развалился в кресле, закинув ногу на ногу и вытянув их во всю немалую длину. Для этого ему пришлось откатиться от стола – конечности под столом не умещались. Он и правда чем-то походил на скакуна, этот светский генерал, но отнюдь не на мерина, нет – сейчас он смахивал на призового жеребца. Хотя лошадкой, на которую ставили в этих скачках, был как раз Вечерский. Или он не прав? Или на генерала тоже ставили, просто этих игроков мало кто видел в лицо?

– А я вас не тороплю, – сказал Амершам. – Зная Саманту, предположу, что вы сами ко мне прибежите. Раньше или позже. Просто помните о нашем разговоре.

Так и случилось – скорее позже, чем раньше, но все-таки случилось.

– Да. Да, я сдал Саманту Амершаму. Именно я и сдал. Вы удовлетворены?

– Почти. Совсем удовлетворен я буду, когда узнаю ответ на свой последний вопрос. А пока давайте вы.

– Правда или поступок?

– По-моему, мы оба уже слегка устали от правды. Пусть будет поступок.

Вечерский с улыбкой взглянул на Бессмертного, и от этой улыбки хозяин дома беспокойно шевельнулся в кресле.

– Снимите маску, Джимми.

Бессмертный замер.

– Ну, давайте же. Неужели вы там, под маской, настолько безобразны? Поверьте, я видел редкостных уродов, так что в обморок не упаду.

– Вы выиграли.

– Что?

– Ваша взяла, Алекс. Вы получите все, что нужно для экспедиции. Желаю вам удачи в поисках. Кстати, где вы собрались ее искать?

Слегка ошарашенный таким поворотом событий, Вечерский пробормотал:

– Последний раз Морган видели в канадском Алгонкине.

– А. Дивные места. Озера и водяные лилии. Что ж, при-

ятной прогулки.

Бессмертный Дориан, он же Джеймс Оливер Эмери, встал с кресла и вышел из комнаты. Лев, вернувшийся на обои, проводил хозяина равнодушным взглядом.

После трех часов бега зверь достигает своей цели. Здесь тоже много мертвого железа. Железо жалобно скрипит, и воет, и поет на поднявшемся ветру. Железо сверху, и со всех сторон – железо. Под одной из железных вещей спрятался Тот, Кто Зовет. Железную вещь окружают мелкие вонючие твари, они копают и скребутся, они хотят добраться до Того, Кто Зовет. Зверь рывкает. Твари поворачивают к нему треугольные морды. Твари голодны и не желают уступить добычу. Если бы зверь умел смеяться, он бы расхохотался. Ему приходится убить двух или трех вонючих тварей, прежде чем остальные понимают и разбегаются.

Зверь толкает железную вещь плечом. Вещь поддается не сразу. Зверя охватывает нетерпение, ведь источник Зова так близко. Он рвет железо когтями и опять толкает – наконец вещь поддается и переворачивается. Зверь встречает взгляд Своего Человека.

В глазах человека отражается луна, а под луной клубится бездонная темень. Человек смотрит на зверя, и это последнее, что видит зверь.

Но если бы Колдун, Хантер и Батти задержались на три часа, они смогли бы увидеть, как гигантский черный волк,

спеша и давясь от спешки, пожирает труп Вечерского.

Глава 3

Про уродов и людей

До Барри оставалось несколько миль, когда им пришлось остановиться на ночевку. Шоссе было забито. Люди бежали туда и люди бежали оттуда, не слишком понимая, что значит «оттуда» и «туда».

Еще до того как дорогу перегородил сплошной затор, лучи фар выхватывали из темноты отдельные машины. По большей части с распахнутыми багажниками, с открытыми дверцами, они терпеливо ждали хозяев. То ли закончился бензин, то ли хозяевам показалось, что безопаснее идти пешком, то ли, наконец, автомобили выпотрошили мародеры. Кое-где по обочинам виднелись брошенные чемоданы. Цепочки оставленных за ненадобностью вещей вели с шоссе прочь, в промышленные кварталы, в поля кукурузы, серебристо отсвечивающей в сиянии луны. Порой на шоссе встречались военные грузовики и бронетехника – угрюмые, набычившиеся громадины, черневшие среди легкового транспорта. Солдаты, которые должны были обеспечить эвакуацию гражданского населения, тоже бежали – и вряд ли им удалось спастись. Колдун легко мог представить, как люди бредут, бредут по самой кромке разливающейся волны ужаса, с неохотой бросая ненужные им теперь вещи... Бредут, как брели и сто, и тысячу лет назад, спасаясь от пожара, бе-

ды, войны.

В свете звезд затор казался неподвижной рекой с черно-серыми, торчащими из потока гольшами. Будь это действительно река, ее можно было бы пересечь, перешагивая с камня на камень. Колдун так и предложил:

– А давайте прямо по машинам махнем. В смысле, по крышам.

– Боюсь, мы провалимся, сэр, – неохотно ответил Рой Батти. – Они же все ржавые.

– Ну давайте свернем.

Сворачивать было некуда. Вдоль шоссе тянулась сплошная стена бетонного забора, а за ней угадывались развалины – то ли автосалон, то ли гипермаркет, то ли один из бесконечных промышленных складов. В небе горела луна, и в ее свете тени мотоциклистов казались тощими и полупрозрачными, как призраки. Тень от забора, напротив, была густой, основательной – более основательной, чем сам забор. Над северным горизонтом дрожало синюшное зарево.

– Мертвецкие огни, – заявил Хантер, соскочивший со своего мотоцикла. Он опять тянул сигарету.

– Просто зарницы, – откликнулся Батти. – С полмили назад я видел съезд. Предлагаю свернуть и заночевать.

– Зарницы. Как скажешь, умник.

Хантер выплюнул сигарету, легко вскочил на свой мотоцикл и, не дожидаясь спутников, рванул назад по шоссе. Фары высветили кабину грузовика, а в кабине – скелет водите-

ля в истлевшем комбинеzone. Скелет, отвесив челюсть, плялился на луну. В левой глазнице его ворочалось что-то черное. Колдун не успел рассмотреть, что.

И снова они спорили.

Рой Батти вытащил из рюкзака консервы и расстелил на земле спальники. Они остановились в каком-то сарае с земляным полом и высоким потолком, перечеркнутым деревянными балками. Пахло здесь плесенью и пометом. Сквозь пролом в центре крыши видны были мелкие помаргивающие звездочки и ползущие по небу облака.

Когда андроид распахнул дверь ударом ноги и тут же осветил сарай сильным фонарем винтовки, из-под балок метнулось что-то крупное и черное. Батти выстрелил, и одна тварь рухнула на пол с простреленной башкой, а вторая просто рухнула, и он раздавил ее череп каблуком. Это были подковоносы-мутанты, огромные и нелепые, слишком тяжелые, чтобы летать на кургузых крыльях. Они бултыхались в воздухе, как перегруженные воздушные шары. Колдуну стало жалко тварей. Вид, обреченный на вымирание, а тут еще и ботинком по черепу.

Больше в сарае никого не оказалось. Вскоре консервы уже аппетитно скворчали на термоплате, но есть Колдуну не хотелось. Он забрался в спальник с подогревом и свернулся клубком. Почему-то теплее не становилось. По спине полз озноб. Андроид озабоченно покосился на Колдуна и сказал:

– Надо развести костер.

– Ага, а еще повесить над дверью плакат «Заходите к нам, химеры, мы вас мясом угостим», – отозвался Хантер.

Поев мяса с бобами и вдоволь напившись из фляги, со-державшей, судя по запаху, бренди, охотник занялся своим арбалетом. Что-то он там подлаживал, подкручивал, любовно выверял. Глядя на Хантера, Колдун вспомнил, что у него есть, и пододвинул к себе рюкзак. Порывшись в боковом кармане, достал плоскую коробочку Sony PSP. Колдун обожал старые игрушки. Поставив звук на минимум, он включил «Тома и Джерри». На экране Джерри тут же принялся подкрадываться к коту, задрав над головой сковородку. Колдун хмыкнул, предвкушая, как кто-то сейчас огребет, – и тут игрушку выдернули у него из рук. Колдун вздрогнул.

– Это что у нас такое? – пропел над ухом Хантер. Он сидел рядом на корточках, и узкая его физиономия разъехалась в ухмылке. Ухмылку снизу подсвечивал экран PSP, где мышь все еще маячила со своей сковородкой.

– Это такая игра, – охотно пояснил Колдун. – Нажимаешь на кнопки, мышь бежит и издевается над котом.

– А может, коту это не по вкусу? – протянул Хантер.

– Тогда можно сыграть за кота, – улыбнулся Колдун. – Все честно.

– Честно, говоришь?

Батти, просматривавший карту на наладоннике, обернулся и поморщился:

– Хантер, почему бы вам не вернуть ему игру?

– Сейчас верну, – миролюбиво пообещал охотник.

Он положил игрушку на вывалившийся из стены кирпич, подобрал второй и что было силы шарахнул по экрану. Во все стороны полетели осколки пластика. Хантер собрал то, что осталось от коробочки PSP, и сунул в руки Колдуну:

– На, дитяtko. Играйся.

– Зачем вы так? – спросил Колдун. Голос у него стал одновременно хриплым и свистящим. Немилосердно чесались горло и уши, и еще почему-то было трудно глотать.

– Зачем? Хочешь, расскажу, зачем? – Хантер придвинул у нему лицо и тихо заговорил: – Говоришь, предки у тебя работают на фабрике «Вельд»?

Колдун с усилием кивнул. Плохо слушались мышцы шеи. Охотник улыбнулся:

– Так мы с ними, получается, звенья одной производственной цепочки. Понимаешь ли, пацан, я охочусь на химер. Выслежу зверя, какую-нибудь летюгу или щетня, и выстрелю в него из этого арбалета. – Тут он сунул под нос Колдуну свое оружие. – А в арбалете дротики со снотворным. Я не убиваю зверя, нет. Набираю спинномозговую жидкость, потом шприцом протыкаю вот здесь... – Жесткий палец уткнулся в затылок Колдуна. – И здесь... – Тычок в висок. – Набираю в шприц кровь и мозги. И отпускаю тварь. У химер регенерация быстрая, так что через день, как прочухаются, они как огурчики. А потом уж твои предки гонят из

моей вытяжки РНК и делают коктейльчик. Хороший такой коктейльчик. Называется «Вельд».

– Хантер, сэр, мне кажется, ваш рассказ ему неприятен...

– Молчи, железка, – прошипел охотник. – Не знаешь ничего, так и молчи. Я тут объясняю пацану, что в мире происходит. Ну так вот. Коктейльчик потом продают. За большие деньги продают. И покупают его не абы кто, а только Бессмертные. У обычных людей таких бабок не найдется. И знаешь, что Бессмертные делают?

– Что?

– Колют мой коктейльчик себе в вену. Ух, как круто, какой кайф. Вот ты, пацан, знаешь, что такое Тир-на-Ногт?

– Крепость Бессмертных, – прохрипел Колдун.

– Ага, крепость. Небесная крепость над Лондоном. Белый свет, колонны, дворцы и все такое. Только все это фигня. Иллюзия. На самом деле Бессмертные живут под землей в огромном бункере. У них там сталь, кирпич и бетон. Узкие коридоры, не развернешься.

И по ним крадутся Бессмертные, как звери, запертые в клетку. Пыль. Теснота. Скука. И вот они играют. Им в своей клетке, понимаешь, скучно, и они играют в очень веселые игры. Вколол коктейльчик в вену – хопа, а ты уже не в клетке. Ты на воле, и у тебя зубищи – во, когтищи – еще лучше. Ты химера. Ты полностью управляешь зверем. И делай что хочешь. Они там, в тюряге своей, в Тир-на-Ногт, друг другу глотки перегрызть не могут, а вот на воле – пожалуйста.

Хочешь – выслеживай таких же, как ты. А хочешь – людишек гоняй, кишки им выпускай. Резвись, короче. Говорят, они даже соревнования устраивают. Чемпионаты. Кто больше людей положит. Или соберутся на полянке какой, на площади и давай друг друга мордовать, кто последний останется. Турнир «Вельд», слышал про такое? Вот это игра, вот это кайф, куда там твоим Тому и Джерри. И главное, пацан, знаешь что?

– Что?

– То, что ты не отвечаешь ни за что. Это ж не я бабу зубами изорвал, ребятенка ее придушил. Это ж химера. Летюга, или щетень, или еще какая зверюга. А я ж чистенький. Я в это время у себя в кресле сидел, шампанское попивал. Ну, понял?.. Э, да ничего ты, башка дурья, не понял. Не люди они, с игрушками своими. Не люди. – Желтые глаза охотника горели ненавистью. Он нервно кусал губы.

– А вы, значит, человек? – просипел Колдун. Ему становилось все хуже и хуже. Глаза слезились. Из носа потекло, и все как-то плыло. И было трудно дышать.

– Я – человек. Я за себя отвечаю.

– Да, – еле слышно прошептал Колдун. – А еще вы слышите Божий глас, и он говорит вам, кого надо убивать...

Хантер отшатнулся. Побелев, он взгляделся в лицо Колдуна, и рука его метнулась к карабину.

– Тварь. Погляди, он изменяется, Батти, на морду его погляди...

Колдун понял, что сейчас его, наверное, пристрелят, и вжался глубже в спальник. Рой, что-то делавший у мотоциклов, мгновенно очутился рядом и наступил на карабин.

– Пусти! – взвыл Хантер. – Пусти, мразь, я его кончу!

Андроид ботинком вышиб карабин из-под пальцев охотника и пинком отшвырнул к стене. Игнорируя вопли Хантера, он присел на корточки рядом с Колдуном и посветил ему в глаза, а затем приказал:

– Рот откройте.

Колдун послушно открыл рот. Батти заглянул ему в горло и присвистнул.

– Дышать трудно? Что-нибудь чешется?

Колдун кивнул.

– У вас аллергия. Вы никогда не выезжали из города?

Колдун снова кивнул. Говорить ему было уже сложно, в ушах свербело, горло распухло, по подбородку текла слюна.

– Этого еще не хватало, – пробормотал андроид. Он достал из аптечки шприц и ампулу.

– Ты чего ему колешь, сука железная? – прокряхтел Хантер, которого андроид, кажется, слегка помял.

– Антигистамин и стероиды, сэр. У него отек гортани. Да вы сами посмотрите, как он распух.

Андроид перевернул Колдуна на бок. Блеснул шприц, но укола Колдун уже не почувствовал. Голоса Батти и Хантера доносились словно издалека.

– Придется все же развести костер. Надо, чтобы было теп-

ло. Пожалуйста, заверните его в спальник. Да что вы топчетесь, Хантер? Он не тварь из леса. Просто обычный городской мальчишка, попавший на природу. Наверное, в жизни цветка не нюхал.

– Вот черт. Навязали подарочек на нашу голову...

– Киньте мне тот ящик. Эй, сынок, не засыпай!

Встревоженные голоса уплывали. Чьи-то руки заботливо укутали его в спальник. Затрещало, потянуло запахом горячей бумаги и дерева. По потолку забегали оранжевые блики. Звезды в проломе крыши закачались, раздвоились и полетели, полетели в распахнутую черную пасть...

Колдун спал, и ему снилась пустота. Пустота была огромной и очень, очень пустой. По краю пустоты, как по вогнутой стенке космического пузыря, полз клоп. У клопа было лицо Хантера и пышные черные усы, Хантеру явно не принадлежащие – словно клоп-Хантер стащил их из театрального реквизита. Пустота была в миллионы раз больше и величественнее клопа, но при этом оставалась пустотой, что давало клопу определенное преимущество. Клоп-Хантер самодовольно пошевелил усами и, ткнув в пустоту лапкой, обвинительно провозгласил: «Не человек!» В ответ пустота расхохоталась. От хохота пузырь лопнул, и клоп-Хантер, кувыркаясь, полетел в стерильный хирургический свет.

Свет горел в кабинете. Еще в кабинете был врач – спортивный, подтянутый, но с лицом, исчерченным ранними

морщинами, с синими мешками под глазами, он восседал за большим столом. Похоже, врач злоупотреблял стимулирующими средствами. На диванчике напротив стола сидела мама и держала Колдуна за руку. Прекрасные, идеальных очертаний губы матери скривились от горя, и она жалобным – совсем не своим – голосом просила врача:

– Сделайте же что-нибудь! Боже мой, при современном уровне медицины...

– Моя дорогая, – пророкотал врач неожиданно низким голосом. – Боюсь, ничего сделать нельзя.

Рука, сжимавшая ладошку Колдуна, дрогнула.

– Он умрет?

Врач улыбнулся, и Колдун неожиданно понял, откуда взялись пышные клопиные усы. Усы принадлежали врачу, он видел врача с этими усами в совершенно другом месте – там, куда врачи обычно не ходят.

– Не так сразу, – успокоил маму врач. – Скорее всего, ваш сын проживет лет двадцать – двадцать пять. При его метаболизме и скорости развития это практически аналогично нормальной продолжительности человеческой жизни... У меня в практике ваш случай не первый. После катастрофы что-то произошло с генами. Темпы развития зародышей ускорились, но, вероятно, ускорится и старение – пока не было возможности проверить это на людях...

Кажется, слова про «двадцать – двадцать пять лет» совершенно успокоили маму, потому что она достала из сумочки

баллончик с гримом и принялась поправлять макияж. Нет, это они уже вышли из кабинета и стояли в коридоре перед большим зеркалом. Мама красилась, а Колдун пытался понять, зачем она красится – ведь ее лицо и так безупречно красиво. Она отражалась в зеркале: высокая, стройная и волшебно прекрасная, с пепельными волосами, собранными в сложную прическу. Мать по-прежнему держала Колдуна за руку, но сколько он ни вглядывался в холодную поверхность зеркала, его отражения там не было. Стоявшая рядом прекрасная женщина, казалось, не замечала ничего необычного – возможно, потому, что смотрела лишь на себя.

Закончив макияж, мать нетерпеливо потянула Колдуна за собой. А он все не шел, он упрямо надеялся, что если не сейчас, то через минуту отражение проявится.

– Пошли!

Мать рванула сильнее. Колдун уперся, и следующий рывок был уже болезненным. Колдуна поволокло в сторону, прочь от зеркала...

Только никакого зеркала не было. Были пляшущая в пролом крыши зеленая луна, длинные тени от балок – как кресты на земляном полу. Костер, сложенный Роем в выкопанной в полу ямке, уже прогорел, и от него поднимался вверх тощий сизый дымок. Рядом храпел Хантер, а андроида нигде не было видно.

Колдун приподнялся на локте, и вдруг что-то сильно толкнуло его в бок. Так сильно, что он вместе со спальником сле-

тел с наложенного места и откатился в сторону. С того пятка, где спал Колдун, полетели комья земли. Словно замороженный, он следил за тем, как из расширяющейся норы высунулась темная мордочка. Высунулась, исчезла, а затем ночной копатель показался уже целиком. Тварь была невелика ростом и силуэтом напоминала человека, но более тонкая и угловатая, с резкими пугливыми движениями. Колдун сглотнул, попутно заметив, что опухоль сошла. В остальном хорошего было мало. Он решал, а не заорать ли, когда из раскопа полезла вторая тварь. Первая, поведя башкой из стороны в сторону, на четвереньках пропрыгала к Хантеру. «Как лягушка, – подумал Колдун. – Странная ночная лягушка, которая хочет выпрыгнуть из собственной тени». Тварь наклонилась над охотником и припала к нему. Колдун забарахтался в спальнике, вспоминая, куда сложили оружие. Он уже почти выпутался из мешка, когда перед ним возникла мордочка второй твари: узкая, серая, с фосфоресцирующими глазами то ли кошки, то ли лемура. С секунду тварь пялилась на него, склонив башку к покатоному плечу. От подземной нечисти пахло остро и неприятно, как от головки несвежего сыра.

«Уйди», – мысленно приказал Колдун.

Однако тварь не послушалась, потому что он неправильно настроился. Колдун говорил со зверем, а тварь, кажется, была не совсем зверем или совсем не зверем. Вместо того чтобы уйти, она протянула тощую лапку и пощупала его лицо.

Колдун отшатнулся от липкого прикосновения и наконец-то вскрикнул. Тогда тварь распахнула узкогубую черную пасть, и острые зубы впились Колдуну в шею.

Сегодня у Сиби было много дел. Во-первых, следовало проснуться, а просыпалась Сиби всегда долго и неохотно. Так хорошо было спать, свернувшись клубком, уткнувшись носом в коленки, под чуть слышное мерное бормотание Старого. Только холодно. С тех пор как родные сестренки уснули Долгим Сном и присоединились к Танцу, в Сибином отнорке всегда было холодно. Не прижмешься ни к кому. Не отогреешься. Эти мысли окончательно расстроили Сиби, и она проснулась. Проснувшись, умылась длинным язычком, особенно аккуратно вылизав ладони и подмышки. Затем слезла наверх и проверила шкурки. Шкурки очень хорошо подсохли, значит, их можно было присоединить к Экспозиции. Сырые шкурки в Экспозицию не включишь – зачервивеют. Шкурки были мягкие, меховые, очень приятные на ощупь. Отлично. Настроение Сиби резко улучшилось, особенно после того как, спускаясь к себе со шкурками, она наткнулась на жучиное гнездо и сытно позавтракала личинками. Дожевывая последнюю, особенно муцистую, Сиби скатилась вниз, пересекла на четвереньках свой отнорок и вылезла на площадку перед входом. Это было место Экспозиции. Двоюродные сестренки Сиби тоже делали Экспозиции, но очень, очень небрежно. Тут все дело в сочетании

материалов: твердое, неприятное на ощупь само по себе, но составляющее контраст шелковистым шкуркам, шелестящие надкрылья жуков рядом с шелестящими обрывками пластиковых пакетов. Красиво. Сири, двоюродная сестренка справа, специализировалась на запахах. По мнению Сиби, ее Экспозиция жестоко воняла, а о красоте лучше вообще было помолчать. Впрочем, у каждого своя идея прекрасного. Сиби, к примеру, нравилось трогать. Поэтому она сочетала – в правильных пропорциях – мягкое и жесткое, скользкое и шершавое, колючее и гладкое.

Сиби как раз была в процессе работы – она уже уложила три из четырех шкурок и прикидывала, куда бы уместить последнюю, – когда из правого отнорка выкатилась очень возбужденная Сири. Из ее невнятных вскриков Сиби поняла, что наверху появилось Теплое Место. Теплое Место всегда делали наземники. Сиби думала иногда, что Теплые Места – это что-то вроде Экспозиций у наземников. Сири верещала и требовала поднять на уши всю колонию, но Сиби всегда отличалась большей сдержанностью. Наземников всего двое. Не стоит беспокоить сестренку.

Теплое Место появилось как раз над крышей одного из Сириных ходов, так что прокопаться наверх ничего не стоило. Сири выскочила первой и сразу кинулась к большому наземнику. Ее возмуцало то, что эти двое так нагло расположились прямо над ее тайным ходом. Сиби заинтересовал второй наземник, тот, что поменьше. Он не спал Коротким

Сном, в отличие от первого. Он сидел и смотрел на Сиби. У наземника было белое лицо мертвеца, плоский нос и маленький бледный рот. Только глаза у него оказались почти как у Народа – темные, даже слишком темные и тусклые, будто двадохлых жука. Этими тусклыми глазами он смотрел на Сиби, словно просил: «Потрогай – и поймешь, что я не такой уж уродливый». Сиби протянула лапку, чтобы потрогать. Наземник дернулся и заорал. На ощупь он тоже был совсем неприятный, скользкий и холодный. Противно целовать такого, но Сиби все же превозмогла себя и даровала наземнику поцелуй, несущий Глубокий Сон.

Глава 4

Губительная сила красоты

Когда Колдун открыл глаза, вокруг была темнота. Потом сквозь темноту прорезалось бледное зеленоватое свечение. Это светились стены высокой пещеры, тут и там покрытые куртинками фосфоресцирующего мха. Через минуту Колдун понял, что мох на стенах образует узоры, словно кто-то специально его высаживал. Уже знакомые фигурки, тощие, длиннорукие, длинноногие, бредущие вдоль стены в странном танце. Фигурки шли, положив руки – или лапы – друг другу на плечи. А присмотревшись еще, Колдун сообразил, что он на кладбище. Скелеты и свежие трупы подземных тварей были вделаны в стену, вдавлены в желтоватую глину, и на останках рос светящийся мох.

Еще Колдун обнаружил, что сидит в клетке, сплетенной из длинных беловатых лиан или корней.

А перед клеткой, в нескольких шагах от прутьев и до противоположной стены пещеры, раскинулась весьма интересная композиция. Композиция состояла из человеческих черепов и костей, сложенных в определенном порядке, но ключ к этой закономерности был, видимо, лишь у хозяев пещеры.

В фосфорическом свете черепа казались нежно-зелеными, как молоденькая весенняя поросль.

Пещера провоняла тварями, но к сырному острому духу

примешивался еще и сладковатый аромат мускуса. И немного тления. Подумав, Колдун решил, что здешний букет ароматов ему нравится. Пожалуй, светские дамы не отказались бы от подобного парфюма. Запах одновременно возбуждал и настораживал, делал восприятие более острым и освежал не хуже нашатырной струи. Колдун встряхнулся, вскочил на ноги и только тут заметил Хантера.

Похоже, Хантеру повезло меньше, чем ему. Охотник вяло ворочался и постанывал. Колдун присел рядом, приподнял голову рейнджера, и как раз вовремя: Хантер содрогнулся, его вывернуло. Колдун перевернул охотника на бок, чтобы тот не захлебнулся собственной рвотой. К ароматам пещеры прибавился запах полупереваренных бобов с тушенкой.

Проблевавшись, Хантер поднял глаза и мутно уставился на напарника:

– Где мы? Что случилось?

– Какая-то тварь вылезла из-под земли и цапнула меня за шею, – честно признался Колдун. – Вас, похоже, приласкала ее товарка. Если подумать, то в слюне у них должен быть транквилизатор. Далее, рассуждая логически, твари утащили нас под землю и посадили в эту клетку.

Хантер вылупил глаза.

– Что это вы на меня так смотрите?

Охотник неопределенно хмыкнул:

– Рассуждая логически, у тебя, пацан, не все дома. Но это твои проблемы. Помоги-ка мне сесть.

Колдун поддержал Хантера, и тот со стоном уселся. Повертел головой. Нахмурился:

– Так. А где железная скотина?

– Если вы имеете в виду Батти, то, когда я проснулся, его не было в сарае.

– Сбежал ублюдок, – заключил охотник.

Он зашарил по поясу, но у хозяев пещеры хватило ума избавить людей от всего имевшегося при них оружия. Заодно они зачем-то прихватили и ковбойские сапоги Хантера, так что на ногах у него остались лишь вязаные носки, украшенные северными оленями. Возможно, Хантер разжился носками на какой-то давней рождественской распродаже. В правом была дыра, и сквозь нее торчал грязноватый большой палец.

А вот зажигалку и фляжку у охотника твари отобрать не додумались. Хантер подполз к решетке, подергал прутья-корни и щедро оросил их из фляги. Затем он поднес к прутьям зажигалку. Щелчок – и из пластикового корпуса вырвалась струя пламени, сделавшая бы честь небольшому огнемету. Через секунду один из корней вспыхнул.

– Я бы не стал этого делать, – заметил Колдун. – По-моему, они чувствуют тепло.

– А по-моему, тебе следует захлопнуть пасть, пока цверги не вырвали твой болтливый язык и не слопали на ужин.

– Цверги?

Завершить этот познавательный диалог им не удалось.

Клетка задергалась. Горящие корни пришли в движение. Они спазматически сокращались, и плетеный мешок из прутьев все сжимался, сжимался – пока Колдун и Хантер не оказались стянуты тесной и вдобавок вовсю полыхающей сеткой. Хантер изрыгал проклятия и пытался выломать корни. Одна из горящих лиан любовно прижалась к его щеке, запахло паленой щетиной и мясом. Отбиваясь от корней, Колдун меланхолично подумал, что это в старину тоже было одной из примет Рождества – палили свиную щетину, визжащих хрюшек забивали на колбасу и шпик... Клетка уменьшилась настолько, что стало трудно дышать, а глаза разъедало дымом. Рядом по-свинячьи визжал охотник, которого разозлившаяся лиана решила поджарить. Черепа подсветило оранжевым заревом, отчего дыры глазниц стали глубже и таинственнее.

Мучения напарников кончились быстро и бесславно. Колдун не успел уловить, когда в пещере появились серые быстрые твари. Но они появились, нахлынули молчаливой волной. Пять или шесть выстроились у клетки и щедро помочились на огонь. Зашипело. Струя мускуса и аммиака ударила в ноздри. Ругательства Хантера стали вдвое ужасней и физиологичней, но дело было сделано – пожар потух. Опаленные прутья расправились, и вскоре Колдун уже смог сесть, поглаживая помятые – вот уже во второй раз за два дня – ребра.

Твари разбежались так же молчаливо и быстро, как и со-

брались, исчезли в боковых ходах. Осталась лишь одна. Сидя на корточках, она пялилась на клетку.

В сарае Колдуну показалось, что ночная гостья смахивает то ли на лемура, то ли на маргышку, но сейчас, при более ярком освещении, стало очевидно, что тварь сродни человеку. Характерная форма черепа, отставленные большие пальцы на руках. Кожа серая, но это, возможно, от грязи и недостатка света. Лицо подземной жительницы было одновременно детским и старообразным, чем-то напоминало младенческие личики православных икон. Тонкий и острый нос, скорбно поджатые губы. Ввалившиеся щеки и огромные глаза, светящиеся зелено и бледно – почти как росший по стенам пещеры мох. Худющие руки и ноги, узкие бедра и маленькая грудь девчонки-подростка или кастрата. Волос на голове и нигде на теле у серокожей не было.

Она ничем не отличалась от своих товарок, но Колдуну почему-то казалось, что это та самая тварь. Та, что его укусила. По изможденной мордочке подземника, от нижней губы и до подбородка, тянулся тонкий белый шрам.

– Пошла на х... сука! – заорал Хантер.

Не оборачиваясь, Колдун поинтересовался:

– Почему вы думаете, что это самка?

– Во-первых, разуй глаза – видишь, у нее тощие сиськи висят, как у старой негритянской шлюхи? Во-вторых, они все сучки.

– В смысле?

Хантер, физиономию которого украшал свежий ожог, присел рядом и злобно уставился на серокожую. Та спокойно смотрела на пленников своими невероятными глазами.

– В смысле, они, цверги, – все бабы. Когда я еще промышлял в Германии, парни нашли под Мюнхеном целую колонию. Выкурили их на поверхность газом, ну и...

– Что «и»?

Охотник гнусно ухмыльнулся и продемонстрировал, что. Колдун поморщился:

– Как же они размножаются? Или ваши парни их потом отпустили?

Ухмылка Хантера сделалась шире:

– Ага, еще и поцеловали на прощание... А размножаются они очень просто. Поймают мужика, человека, в смысле. Сожрут, причем обязательно всей стаей. И от этого залетают.

Колдун недоверчиво хмыкнул:

– Хантер, извините, но это подозрительно смахивает на городскую легенду. Вроде той, о фермах, где химеры откармливают людей на фарш для бургеров...

Охотник резко крутанулся на месте, ухватил Колдуна за ворот рубашки и, притянув к себе, зашипел:

– Слушай, пацан...

Однако высказаться ему опять помешали. Из бокового отворка вынырнула новая тварь, и охотник издал возмущенный рык: она щеголяла в его, Хантера, сапогах. Сапоги явно были велики цвергине, так что она подволакивала ноги, до

комизма напоминая старого ревматика. Тварь, гордая обновкой, продефилировала мимо клетки и присела рядом со своей подругой. Зыркнула на Хантера, убедилась, что тот вне себя, и, нежно заворковав, принялась ластиться к первой красотке. Та к ласкам отнеслась сдержанно, но новоприбывшая ничуть не смутилась холодным приемом. Она мурлыкала, и урчала, и гладила шишकाстый череп своей подружки, и вылизывала ее длинным желтым языком. Колдун не выдержал и захихикал:

– Они над нами издеваются.

– У них мозгов не хватит. Просто предчувствуют, как сейчас нажрутся нашим мясом и будут щениться.

– Хантер, вы уверены, что мясом? По-моему, они нас провоцируют...

Охотник тяжело уставился на Колдуна:

– А Батти насчет тебя был прав.

– Прав в чем?

– Я, когда ты отрубился, высказался в том смысле, что на хрен нам сопляка навязали на шею. А железный болван отвел, что ты намного старше, чем кажешься.

Тут уж Колдун не выдержал и расхохотался в голос. Его смех спугнул цвергов. Они синхронно подскочили – причем со второй при этом свалился сапог – и порскнули в темный ход. И снова Колдун и Хантер остались одни, не считая молчаливых и бдительных черепов.

Наземники просто помешаны на своих Теплых Местах. Куда ни придут, там и сделают Теплое Место, хотя в Общинном Доме и без того не холодно. Сиби еще больше уверилась в мысли, что Теплые Места – это что-то вроде Экспозиции у наземников. Такая преданность прекрасному не могла не вызвать уважения, но делать Теплое Место из Старого – очень глупая затея. Он уже укусил длинного наземника, искусал бы и второго, если бы двоюродные сестрички не прибежали и не успокоили Старого. Затем сестрички разошлись по делам, а Сиби осталась. Наземники будили ее любопытство. Во-первых, хотелось посмотреть, как они, настолько верные своим Экспозициям, оценят Главную Экспозицию Общинного Дома. Во-вторых, было просто интересно. Все-таки Сиби сама их поймала. То есть с помощью Сири, но наполовину сама. И потом, наземникам предстояло участвовать в Празднике Обновления. Хотелось бы узнать о них побольше, ведь скоро Обновляющие станут ее частью. Это совсем не то же самое, что есть личинок, жуков или лягушек, даже не то же самое, что пить влагу Старого. Это праздник, а праздники случаются редко.

Сиби сидела на корточках и наблюдала за наземниками. Тот, что поменьше – ему достался поцелуй Сиби, – тоже наблюдал. Кажется, Главная Экспозиция пришлась ему по душе. Зато второй Сиби совсем не нравился. Его искусал Старый, и второй злился и совсем не думал об Экспозиции, а думал о плохих вещах. Сиби даже испугалась, когда он схва-

тил меньшего наземника. Ей показалось, что длинный и злой хочет съесть своего двоюродного брата, а это никуда не годилось. Она уже собиралась расшевелить Старого, когда вошла Сири.

Нет, положительно, у Сири совершенно отсутствует чувство гармонии! Как она могла нацепить на себя отвратительные пятки длинного наземника? Сири прошла перед клеткой, комически вихляя бедрами, и, усевшись перед Сиби, скабрёзно хмыкнула:

– А ты нравишься маленькому.

– Почему ты так решила?

– Он тебя думает.

– Он думает много вещей сразу. Зачем тебе эти пятки, Сири?

– Так.

Сири мечтательно улыбнулась и полезла обниматься. В другой раз Сиби была бы не прочь – Сири, несмотря на вопиющее отсутствие вкуса, ей нравилась, – но почему-то сейчас ее поведение казалось неуместным. Не перед Главной Экспозицией, и особенно не перед Обновляющими. Здесь уместны были бы торжественность и легкая грусть, потому что всякое Обновление ведет к Долгому Сну, а Долгий Сон – не предмет для шуток и розыгрышей. Но такой уж у Сири был нрав.

– Гляди, как длинный на нас смотрит. Он бы сломал тебе шею, сестренка, если бы не Старый.

– Тебе бы тоже сломал.

– Нет. Я бы первая его поцеловала, и он заснул бы навсегда.

– Нельзя!

– Знаю, что нельзя. Но хочется.

– Лучшие бы ты вернула ему его пятки.

– Какая ты скучная, сестренка.

От Сириных ласк у Сиби уже начала слегка кружиться голова, когда под сводом грохнуло. На секунду Сиби представился пузырь, какой бывает от дождя на верхней воде, но только больше, намного больше – а в пузыре ничего. Это ничто взорвалось, хлестнуло наружу, и Старый не смог его удержать, потому что нельзя удержать ничто. Сири, взвизгнув, больно вцепилась в Сиби, и вместе они рванули к выходу. Пустота за спиной клокотала, и издевалась, и звенела весенним дождем.

Колдун сидел в клетке, поджав колени к подбородку, и вспоминал тот год, когда они еще жили в городе. Можно было иногда выбираться из дома и говорить с разными людьми. Особенно нравился Колдуну старый музыкант, поселившийся в парке. Музыкант спал на скамейке под кленом и никогда, никогда не возвращался домой.

«Там пауки, – объяснял старый музыкант, прихлебывая из бутылки. – Много-много пауков. И не заметишь, как однажды ночью они подкрадутся и съедят тебя. Останется только

пустая сухая шкурка». Потом, с сомнением глядя на юного собеседника, он добавлял: «Ты, верно, думаешь, что я спятил. Но когда человек одинок, всякое случается. Одинокие люди беззащитны, как дети. Их запросто могут слопать какие-нибудь пауки».

Колдун приносил музыканту вино и сидел с ним на скамейке, болтая ногами. Однажды вечером он не нашел старика и понял, что пауки добрались до него и в парке. Это Колдуна не особенно удивило, ведь тогда система ПВО еще не была толком отлажена и над городом то и дело проносились летюги и змееносцы. Если в небе парят летюги, почему бы в парке не оказаться паукам-людоедам? А когда Колдун понял, что старик имел в виду, было уже поздно: он сам превратился в паука. Вот и сейчас по-паучьи терпеливо Колдун плел сеть.

Уже на второй день их заключения у цвергов – по крайней мере Хантер утверждал, что это второй день, – стало ясно, что кормить узников подземные твари не намерены. Хорошо хоть не пришлось томиться жаждой. В переплетении лиан-ветвей нашлось что-то вроде чаши, куда регулярно поступал прозрачный сладковатый сок. У Хантера от сока начался понос, а Колдуна тошнило, но пить все равно приходилось.

– Да все ясно, – проскрипел охотник после очередного приступа, держась за живот.

Растение – а их клетка несомненно была растением, живым и крайне себе на уме – с энтузиазмом потребляло фе-

калии, так что хотя бы эта нота не включилась в симфонию здешней парфюмерной.

– Твари целиком нас жрать собрались, – выложил свои умозаключения Хантер, – а наше дерьмо им к чему. Вот прочистит нас, тогда и сожрут. Стерильными, как новорожденных крысят.

– Вы когда-нибудь ели новорожденных крысят, Хантер? – осведомился Колдун.

– Нет, упаси боже!

– А я ел.

Лесной рейнджер поднял еще более похудевшее лицо, на котором резко прорезались вертикальные, рассекающие щеки морщины, и едко спросил:

– Живьем, надеюсь?

Это было первое на памяти Колдуна проявление иронии из уст охотника, так что Хантеру подземный климат и своеобразная диета явно пошли на пользу. О Колдуне подобного сказать было нельзя. Он никогда не отличался крепким здоровьем, а от воздуха подземелья, стилого и насыщенного запахом плесени, его легкие хрипели, как старая фисгармония.

И еще он начал кашлять. В выходящей с кашлем мокроте была кровь. Следовало спешить, тем более что Праздник Обновления ожидался со дня на день.

Маленькая цвергиня часто их навещала. Она часами просиживала на корточках перед клеткой и не моргая смотрела на пленников. Теперь Колдун знал, что девчонку зовут

Сиби. Он тоже сидел неподвижно и смотрел на тюремщицу. Хантер в это время метался по клетке и пытался выломать прутья или изрыгал проклятия вперемежку с угрозами, что изрядно раздражало Колдуна. Охотник, в свою очередь, был не в восторге от занятий напарника. Когда они оставались наедине, Хантер пытался хранить холодное молчание, но в конце концов взорвался:

– Ты чего пялишься на эту уродину как на голую училку в душе?

– Интересное у вас, Хантер, было детство.

– Да уж поинтересней твоего.

– Отвечая на ваш вопрос – я пытаюсь ее поймать.

– Открою тебе глаза, малыш, – гоготнул охотник, – это она нас поймала.

Колдун нетерпеливо вздохнул:

– Хантер, если бы Сиби была человеком или зверем, я давно бы подобрал к ней ключ и она сама выпустила бы нас из клетки. Но это существо – ни то и ни другое. С таким типом мышления я еще не сталкивался. Поэтому помолчите и дайте мне разобраться.

– А-а, я и забыл, что кто-то у нас телепат. Так давай, телепат, действуй. Пусть тварь отомкнет задвижку, или что у них там...

– Не все так просто. Я смогу удерживать контроль какое-то время, но потребуются постоянное внешнее давление. А это очень... утомляет. Даже если Сиби откроет клетку,

ее сестры быстро нас догонят. Без помощи нам отсюда не выбраться – поэтому надо, чтобы желание освободить нас пришло к ней изнутри. Внутренние побуждения намного эффективней внешних.

Хантер перестал метаться по клетке и, остановившись рядом с Колдуном, уставился на него сверху вниз. Потом, помявшись, сел рядом. Когда охотник снова заговорил, в голосе его поубавилось обычной задиристости:

– Вот что, Колдун. В ту ночь... перед тем как отрубиться там, в сарае, ты сказал, что я слышу голоса. С чего ты так решил?

– Удачная догадка.

– Что-то мне так не кажется.

– А вы их действительно слышите?

Охотник молчал. Он казался зверем, ступающим сторожко зверем, чья передняя лапа уже занесена над стальной пастью капкана... Нет. Зверь решил не рисковать и, аккуратно убрав лапу, попятился.

– Ты мне лучше вот что скажи. Если ты так ловко с химерами управляешься – а я ведь видел, как ты скрутил ракунов в парке, – зачем же ты допустил, чтобы чайки грохнули вертолет? Мог бы и их разогнать.

– Мог бы, – согласился Колдун. – Но не захотел. Это было очень... красиво.

Хантер поперхнулся, словно подавившись костью. Больше он Колдуну не докучал.

Время ленивым слизнем текло по стенам пещеры. Мертвые сестренки замерли в вечном танце. Мох светился. Паук плел сеть.

Сибби сама толком не понимала, зачем приходит сюда. Приходит, словно кто-то – или что-то – тянет ее к Старому и запутавшимся в его корнях чужакам. Себе она это объяснила так, что готовится к Обновлению. Все сестренки готовились к Обновлению, а она готовилась вот так. В конце концов, Сибби всегда была чуть-чуть наособицу, а после того как родные ее сестренки заснули Долгим Сном, и вовсе отдалилась от остальных. Если бы не Сири, которая всегда пыталась затащить подружку в центр событий, она бы и не вылезала из своего отнорка. Сейчас Сири злилась. И ревновала. В другой раз Сибби наверняка подчинилась бы ее напору, но теперь что-то мешало. Мешал меньший из наземников. Сибби все казалось, что она в чем-то не разобралась, недопоняла чего-то. Она бы даже снова пощупала чужака, но не хотелось, чтобы тот закричал и отшатнулся.

Наземник ничего особенного не делал. Просто сидел и смотрел. Сибби подумала, что, если объяснит ему, как важно Обновление, частью какого великого Праздника он станет, сделается легче. Объясняла, как могла, но понял ли чужак, услышал ли, разобрать было невозможно.

«Если не случится Обновления, – объясняла Сибби, – нам станет очень плохо. Мы станем совсем больные, слабые и

сонные, будет очень чесаться и болеть кожа, выпадут зубы. А потом, если Обновления все еще не произойдет, мы за-
нем Долгим Сном. Извини, наземник. Так надо».

Наземник не моргая смотрел на нее мертвыми глазами. Иногда Сиби мысленно возвращалась к тому дню, когда из чужака хлестнула пустота, и думала, что это какой-то неправильный наземник. Может, если наземник неправильный, то и Обновление получится неправильное? Она высказала свои подозрения Сири, но та только посмеялась и обозвала ее чудачкой. Оставалось смотреть. Смотреть и пытаться понять.

– Она очень искренняя девочка, – усмехнулся Колдун. – Все пытается доказать мне, как важно это их Обновление.

Хантер быстро сдавал. Сейчас он валялся на полу клетки и равнодушно пялился в темноту под сводом пещеры. Колдуна удивляло, что охотник так резко сломался, как-то сразу, в один день от ругани и бега по клетке перейдя к полному безразличию.

– А мне по х... – вяло откликнулся Хантер. – Скорее бы они нас кончили.

– Надеетесь обрести вторую жизнь в их потомстве?

Колдун уже не знал, чем его поддеть. Пожалуй, равнодушный и сломленный Хантер нравился ему даже меньше Хантера бодрого и озлобленного.

– Надеюсь, что хоть тогда ты заткнешься.

– А мне вот интересно, откуда они взялись. Это же отдельный вид разумных существ. Произошли они явно от людей, но за шесть лет ухитрились проделать тот путь, который в нормальных условиях занимает миллионы...

– Какой-то траппер с горя трахнул сурчиху.

Но и в шутках Хантера не было прежнего задора.

– Это вряд ли. Даже в наше любопытное время плодови- того потомства от такого союза я бы не ожидал. А вот мути- руют они очень быстро, что есть, то есть. У них нестабиль- ная ДНК.

– Вот горе-то.

– Горе, потому что Праздник Обновления, на котором мы самые почетные гости, связан именно с этим, а не с размно- жением. Они ассимилируют нашу ДНК и с ее помощью чи- нят неполадки в своей. Без Обновления они вскоре выродят- ся и зачахнут.

Хантер приподнялся на локте. Во взгляде его, устремлен- ном на Колдуна, проступила тень былой злобы.

– Послушай, ты, умник. Диссертацию по цвергам напи- шешь потом, когда мы отсюда выберемся. Вытащи нас отсю- да или – обещаю – обновляться твоей ДНКой они не будут. Я ею сам обновлюсь.

Колдун размышлял некоторое время, следует ли воспри- нять угрозу серьезно. Он и так недоумевал, почему Хантер еще в первые дни не попытался свернуть ему шею и сожрать труп. Вряд ли охотника удержали моральные соображения –

скорее, седативное действие местного напитка. Нестабильный геном обитателей подземелья был, кажется, проклятием и благословением одновременно. Благодаря ему цверги могли синтезировать в организме целый букет биологически активных соединений. Если заполучить парочку этих тварей, можно неплохо сэкономить на химических производствах...

– А я бы здесь задержался, – задумчиво протянул Колдун. – Очень много интересного. Например, я так пока и не понял, что такое Старый и что он значит для местных...

Хантер застонал и закатил глаза. От стены пещеры отделилась уже привычная маленькая тень. Сиби уселась на корточки и пристально уставилась на Колдуна. Тонкие пальцы ее подрагивали, словно цвергской девчонке хотелось потянуться к нему и пощупать, потрогать...

Длинный наземник стал чистым и смирным, и старшие решили – пора. Сиби и сама знала, что пора. Кожа за ушами и на чувствительных локтевых сгибах уже чесывалась. Пора, и так даже лучше, потому что больше не будет сомнений и этого странного чувства неправильности, чувства, которое она испытывала каждый раз под взглядом темных глаз невысокого наземника. Она пришла посмотреть на чужаков в последний раз. В последний раз перед Праздником, потому что на Празднике уже не помотришь – там все торжественно и все заранее известно – чего смотреть?

Сибя присела перед Старым, не забыв напоить его толикой своей влаги. Старый довольно приветствовал гостью. За это время он привык к Сибя, даже привязался, и радовался ее появлению. Все же ему одиноко тут, в большом зале, где только неподвижный танец спящих сестренок. Со спящими не поговоришь. Остальные приходят сюда редко, а в других местах головы забиты всякой чепухой и Старого почти не расслышат. Чепухой. С каких это пор ее собственная Экспозиция, прекрасная и уникальная, превратилась в чепуху? А уж Экспозиции сестренок и вовсе казались убогими. Красота куда-то просочилась, утекла или померкла, и Сибя сделалось холодно при мысли, что так теперь будет всегда. Может, она заболела?

Сибя растерянно похлопала ладошкой по земле, под тонким слоем которой удовлетворенно шевельнулся один из корней Старого. Корней, оплетающих весь Дом, обороняющих его и следивших за тем, чтобы все шло правильно, пропускавших через себя Сны, принимавших Спящих и Обновляемых. И снова подумалось, что все они, Сибя и сестренки, – как сладкие клубеньки на корнях Старого. Но ее клубень грызла изнутри мокрая гниль...

Сибя покосилась на меньшего наземника, втайне надеясь, что тот смотрит куда-нибудь еще. Но взгляд чужака был устремлен прямо на нее. Как и всегда.

И все же что-то в нем изменилось. Сибя всмотрелась пристальнее в самую глубину его глаз, туда, где гас всякий

свет и куда не могли дотянуться ни Старый, ни она сама. Наземник протянул руку. Не вставая с места и даже не двигаясь, он протянул руку и дотронулся до лица Сиби, и это прикосновение было приятным и болезненным одновременно. Болезненным потому, что рука сжалась и потянула Сиби прочь, отрывая от корней Старого, от Дома, от сестренки. Сиби ничего не могла поделать – она лишь чувствовала, как лопаются связи, тонкие белесые ниточки, скреплявшие ее мир. И вдруг, глядя в черные глаза чужака, Сиби поняла. Поняла, что мешало ей все это время, теребило и беспокоило. Чужак был невероятно, до ужаса красив.

Еще Сиби поняла, что Праздник Обновления не состоится.

Глава 5

Гамельнский крысолов

Брат Иеремия Апшерон полонил озимую репу в собственном огороде. В такой прекрасный октябрьский денек даже гнуть спину над грядками – сплошное удовольствие. Сорняки пытались увернуться из-под тяпки и жалобно попискивали, но брат Апшерон был неумолим. Приближались заморозки, и следовало поторопиться. К полудню огородник утомился. Сказывались годы и больная поясница. Он разогнулся, отложил тяпку и тыльной стороной руки отер пот со лба. Сейчас-то солнышко еще припекало. Листва на кленах у Большой Изгороди расцвятилась всеми оттенками желтого и рыжеватого-алого. Улыбнувшись прекрасному дню и высокому синему небу, брат Апшерон снова потянулся к инструменту. И обмер. Земля в огороде шевелилась. Она вспухла отвратительным горбом. Из горба высунулась грязная пятерня, пощупала вокруг и нырнула обратно. Огородник попятился, споткнулся о тяпку и так и сел, больно ушибив зад. Из раскопа полетели комья, а вслед за комьями показалась черная, страшная голова. Тут уж брат Апшерон не выдержал и завизжал во весь голос. От его визга вороны, попрыгивающие по Большой Изгороди, взвились в небо с хриплым карканьем – а уже через секунду на площади ударил общинный колокол.

...Дерево, понял Колдун. Раскинувшееся на много миль дерево, растущее не вверх, а вниз, в глубину. Колдуну почудилось, что он прикоснулся к корням, почувствовал их напряжение и дрожь, сумрачное, невнятное бормотание. Для дерева был губителен солнечный свет. Дереву, судя по всему, полагалось озлобиться и зачахнуть, но оно нашло выход. Оно удочерило... человеческих детенышей? «Экспозиции, – подумал Колдун, – ну понятно – это необходимые дереву микроэлементы. Плюс энергия, поступающая от разложения человеческой плоти, ведь они живут здесь и здесь же умирают». Однако дерево было ласково к своим рабам... детям? Колдуну представился старенький дед, качающий на коленях внучек. Дед поднял морщинистые веки, поглядел на Колдуна и сказал: «Стань одним из нас. Ведь ты такой же, как они, совершенно такой же...» Старый не ошибался. На одно-единственное мгновение Колдун подумал, как же это было бы хорошо – стать частью целого, корешком, нитью огромной и сложной системы. И вот тут Колдун испугался. Он и не знал, что еще способен испытывать настоящий страх.

– Эй, ты чего?

Колдуна тряхнули за плечо, и он очнулся. Стылый воздух пещеры. Зеленоватое свечение. Беспокойное движение белесых корней... Корней? Ведь это руки, узловатые, мягкие стариковские руки...

– Колдун! Парень! Эй, пацан!

Он встряхнулся и оглянулся на Хантера. Охотник смотрел на него с беспокойством.

– Что, Хантер? Что случилось?

– Это ты мне скажи, что случилось. Минут десять назад ты замер и стал белый как мел. И корни закопошились. А эта... смотри!

Серокожая прыгала на корточках и хлопала ладонями по земле, выбивая облачка пыли. Земля вспучивалась, мелькали белые отростки. Их клетка ходила ходуном. Хантер вцепился Колдуну в локоть, и в эту же секунду ветки-корни расплелись, раздались, образуя широкое отверстие.

– Сматываемся, – бросил Колдун и потащил Хантера в дыру.

Девочка-цверг прекратила свою пляску и молнией метнулась вперед, показывая верный путь к выходу.

Они пробирались довольно долго, кое-где во весь рост, кое-где ползком, по бесконечному лабиринту коридоров, в полной и окончательной тьме. Колдун вцепился в худую и неприятно влажную лапку Сиби, а Хантер держался за Колдуна. Когда в лицо пахнуло холодом и неподвижным воздухом большей пещеры, охотник дернул Колдуна за рукав и прошипел:

– Стой. Куда она нас ведет?

– Не знаю. Я просто велел ей увести нас подальше.

Сиби взволнованно щебетнула и потянула Колдуна за ру-

ку, однако Хантер и с места не сдвинулся:

– Так не пойдет. Надо выходить к Барри. К людям.

– К каким людям?

– Пока ты отсыпался в сарае, андроид сказал, что рядом с Барри четыре года назад было поселение эмишей. А перед отлетом Батти проглядел спутниковые снимки, вроде деревня еще сохранилась. У нас ни оружия, ни жрачки, обстановка неясная. Надо пробираться к ним. Я бы сейчас не отказался от горячей ванны и домашней колбаски.

– Я бы тоже. Хорошо. Попробую ей объяснить.

Колдун повернулся к Сиби, которая обеспокоенно сопела ему в ухо. Девчонка всем была хороша, но вот липуча ужасно. Постоянно то щупала, то прижималась костлявым, дурно пахнущим тельцем, то путалась в ногах, как обалдевший от долгожданной встречи с хозяином щенок. Сейчас, заметив, что внимание Колдуна обращено на нее, Сиби радостно взвизгнула и вцепилась в него всеми четырьмя конечностями. В кромешной тьме не так уж приятно, когда кто-то вцепляется в тебя всеми четырьмя конечностями и смрадно дышит в лицо.

– Кажись, у тебя завелась подружка, – радостно гыгыкнул Хантер, непонятно как ухитрившийся все разглядеть.

– Не заткнул бы ты пасть? – буркнул Колдун и настроился на разговор с цвергом.

Тут же оказалось, что все не так просто. Да, Сиби знала о колонии наземников. Но вести их туда она не соглашалась.

Ни в какую.

«Почему, Сиби?»

«Страшные. Они очень-очень страшные. Больно. Старый защищает, а без Старого очень больно».

Сиби тряслась от страха, да так сильно, что они вдвоем чуть не рухнули на земляной пол пещеры. Пальцы цверга на плечах Колдуна судорожно сжались, и он с неудовольствием подумал, что останутся синяки.

– В чем дело? – нетерпеливо спросил Хантер.

– Похоже, на цвергов охотятся не только ваши парни, но и мирные землепашцы. Или кто они там. Сиби не хочет туда идти.

– Так заставь.

– Как у вас все просто.

Колдун погладил цверга по бугристой голове и успокаивающе шепнул:

«Сиби, Старого теперь нет. Но есть я. Я вместо Старого, я не дам тебя в обиду».

Девчонка еще пару раз жалобно всхлипнула – и согласилась.

Они стояли, щурясь, ослепленные дневным светом. Они так давно не видели солнца, что даже это, неяркое, солнце раннего октября пропекало кожу, просвечивало будто бы до самых костей. Сиби осталась внизу. Она, как и Старый, не выносила солнечных лучей. Расставаясь с Колдуном, дев-

чонка отчаянно выла, и Колдун ощущал сейчас неясную вину. Вина опаляла щеки не хуже полдневного жара, и это удивляло. Он не помнил, когда и за что в последний раз чувствовал себя виноватым. «Непродуктивное чувство, – отметил про себя Колдун. – Пережиток былых времен, атавизм». Впрочем, обстановка способствовала.

Вся эта деревня казалась пережитком былого. Поглазеть на выползших из-под земли собралась чуть ли не вся община. Мужчины с бородами и в черных сюртуках, женщины в чепцах и широких клетчатых юбках того покроя, который устарел еще во времена благословенной королевы Виктории. Впрочем, лица у всех были круглые и румяные, покрытые загаром. Руки крепкие, как у тех, кто долго занимался физическим трудом на вольном воздухе. Колдун подумал, что в жизни не встречал таких здоровых людей. За собравшейся толпой виднелись приземистые деревянные дома и шпиль одинокой церкви. Церковную крышу покрывала дранка, а на кресте сидела ворона. Здесь вообще было много ворон.

С огорода пришельцев так и не выпустили. Под ногами топорщилась ботва – странная, красновато-багровая и на диво увертливая. Широкие листья пытались выскользнуть из-под каблуков. О такой сельскохозяйственной культуре Колдун не слышал; впрочем, в сельском хозяйстве он разбирался слабо. Целая куча загадочной ботвы возвышалась у забора, но сейчас ее скрывали спины поселян. Впереди стоял дородный субъект в черном костюме. Шею его охватывал тес-

ный белоснежный воротничок. Кто-то вроде пастора? В верованиях эмишей Колдун разбирался не лучше, чем в растениеводстве. Шляпу предполагаемый пастор держал в руке и подслеповато щурился на гостей.

– Отец Элизер, – представился он наконец и протянул руку. – Добро пожаловать в наш скромный дом. Мы рады гостям, хотя, признаться, ваш способ стучаться в дверь вызвал у нас некоторое изумление.

Хантер угрюмо смотрел на пастора. Хантеру хотелось домашней колбасы и горячей ванны, но этим пока и не пахло. Пахло допросом. Колдун улыбнулся, принял протянутую руку и пожал с максимальным дружелюбием.

– Спасибо, отец Элизер. Извиняюсь за вторжение и за... – Тут он глянул под ноги. – За повреждения, нанесенные грядкам почтенного... – Колдун сделал паузу и оглянулся на хозяина дома. Краснолицый толстяк молчал, как будто воды в рот набрал. Похоже, говорить без дозволения отца Элизера здесь не принято – или они просто еще не пришли в себя? – Почтенного владельца грядок.

– Брата Иеремии Апшерона, – мягко поправил отец Элизер.

– Брата Апшерона. Дело в том, что мы сбежали из... э-э... подземного узилища, куда нас заточили ужасные существа.

Хантер ошалело уставился на напарника, а вот отцу Элизеру витиеватые обороты, кажется, пришлись по вкусу. Он одобрительно улыбнулся:

– Дети дьявола. Да, я знаю о бесчинствах, творимых за этой стеной. Сказано – мир есть дьявол, следовательно, кто служит миру, тот служит дьяволу. Но здесь вы в безопасности. Нечистый не ступит на святую землю, и слугам его сюда хода нет.

– Ну и отлично, – буркнул Хантер. – А теперь нельзя ли чего-нибудь поесть? Слуги дьявола нам не давали жрать чуть ли не неделю. Какое сегодня число?

Отец Элизер неодобрительно нахмурился и воздел руку.

– Там, – он указал на ограду из здоровенных бревен, врытых в землю вокруг селения, – там считают суетные дни, но в руце Господа сегодня и завтра, вчера и позавчера – лишь бессмысленные слова. Мы пребываем в золотом сечении времен...

У Хантера был такой вид, будто он собирается спросить, а понимает ли сам священник, какую чушь несет. Колдун незаметно наступил напарнику на ногу, но перестарался, забыв, что на охотнике нет сапог. Тот зашипел от боли и злобно уставился уже на Колдуна.

– Мирный труд, воздержание и соблюдение законов, данных нам Господом, – не унимался отец Элизер, – избавили нас от напасти, оградили от чумы, поразившей мир.

Поселяне одобрительно закивали. Колдун удивился, как речи преподобного не успели им приестся за долгое время.

Он заметил и кое-что еще. В толпе были дети, но все они выглядели лет на шесть-семь, не младше. Ни одной беремен-

ной женщины. Похоже, слова о воздержании не были шуткой.

Пока Колдун предавался наблюдениям, отец Элиэзер продолжал разоряться:

– Но не должны мы забывать и о том, что слуги дьявола хитры. Многие из них бродят по земле, приняв человеческое обличье...

– Не сейчас, – вставил Хантер.

Преподобный, слегка выбитый из колеи, недовольно поинтересовался:

– Что «не сейчас»?

– Не сейчас, говорю, слуги дьявола бродят по земле, приняв человеческое обличье. Сейчас по большей части звериное. Слыхали о такой маленькой неприятности под названием День Химеры?

Колдун снова наступил Хантеру на ногу, но было уже поздно. Священник насупился:

– День Химеры? Так неразумные называют то, что сами накликали на свои головы. Призвали в своем неведении и гордыне. Гнев Господень принимает разные формы, но суть одна – Господь карает отступников и маловерных. Посему я вынужден спросить: крепка ли ваша вера?

– Крепка, – поспешно сообщил Колдун, топчась на левой ступне охотника.

– Хорошо. Но, как я говорил, зло принимает многие формы... Скажите мне, и скажите искренне, как сказали бы пе-

ред лицом судии нашего небесного: не лежит ли на вас дьяволова печать? Не замечали ли вы в себе или в товарище своем что-либо необычное, не присущее роду людскому, искажающее облик человеческий, каковой есть отражение Творца?

Колдун не успел удержать Хантера, и тот сказал громко и злобно:

– То есть нет ли у нас копыт и хвоста? Копыт нет. – Тут охотник выдернул свою многострадальную ногу из-под ботинка Колдуна и всем продемонстрировал рваный и грязный рождественский носок. Копыта под носком несомненно не было. – Насчет хвоста – могу спустить штаны и показать, но здесь дамы. Так что если преподобный желает, мы можем пройти вон в тот сарай...

Преподобный залился такой багровой краской, что у Колдуна появились смутные сомнения – а не испытывает ли он и вправду желания уединиться в сарае с охотником? Воздержание – вещь, конечно, достойная...

Негодующе сопя, отец Элиэзер воскликнул:

– Не следует понимать слова мои столь буквально! Не только и не столько о физических пороках я веду речь, сколько об иных отклонениях. Известно, что дьявол одаривает своих слуг многими дарами. Так, могут они заглядывать в мысли людей и говорить как бы ангельскими голосами, неслышимыми никому, кроме тех, кого задумал совратить нечистый...

Колдун быстро взглянул на Хантера. Охотник паскуднень-

ко ухмылялся. Вот, настал его звездный час. Интересно, что хорошие крестьяне делают со слугами дьявола? Сжигают на костре? Топят в яме с нечистотами? Или банально вешают на изгороди, чтобы другим неповадно было?

– Нет, – громко и отчетливо произнес Хантер. – Мне не известно о таких отклонениях. И я, и мой напарник – стоцентные люди, пробы некуда ставить. А теперь дайте наконец пожрать!

На ночь их заперли в сарае, принадлежавшем брату Иеремии Апшерону. Колдун так понял, что это вроде карантина. Если отсидят в сарае три дня и никаких дьявольских отклонений не покажут, им разрешат свободно разгуливать по деревне. В ответ на вопрос, а не хотят ли почтенный отец Элизер и его паства услышать новости из внешнего мира, преподобный лишь презрительно фыркнул.

– Мир есть дьявол, – повторил он. – Никто здесь не желает слушать о дьяволе.

У Колдуна зародилось подозрение, что заглушка тут появилась неспроста. Если преподобный желал и впредь удерживать свое стадо в святой уверенности, что за пределами деревни беснуется нечистый, прежде всего следовало разорвать связь с внешним миром. В таком случае отец Элизер совсем не так прост, как казалось, и на это стоит обратить внимание.

Побеседовать с хозяином дома тоже не удалось. Тот на

все обращения Колдуна отвечал молчанием или неопределенным хмыканьем. Впрочем, поесть своим гостям – или пленникам – он все же принес. Две здоровенные миски, наполненные буровой кашей, каравай кукурузного хлеба и увесистый ломоть ветчины. Колдун уступил голодно рычащему Хантеру половину своей порции и задумался. Вечерело. Сквозь узкое оконце под крышей сарая лился красный закатный свет. В углу свалена была то ли репа, то ли брюква, то ли еще какой-то таинственный овощ. От кучи слабо тянуло гнилью. Что-то там ворочалось, попискивало – и хорошо, если не сами корнеплоды. Один раз невдалеке ударил колокол – наверное, созывал поселян на вечернюю молитву. Оконце налилось синевой, а затем в него заглянула острая маленькая звездочка. За стенкой шуршало, щебетало, скрипело – пробудились ночные насекомые, а может, ботва в огороде вела светскую беседу.

– Жаль, – сказал Хантер, отрываясь от миски и облизывая масляные губы.

– Что «жаль»?

– Жаль, что подружку свою ты с нами не взял. Она бы быстренько прорыла ход наружу.

– Ее бы тут убили.

– А то как же. Непременно убили бы. Не нравятся мне эти святоши. Как бы они и нас не мочканули во славу Господа, единого и всеблагого.

– А я думал, они вам по душе. Вы ведь тоже не любитель...

отклонений.

– Не любитель, – охотно согласился Хантер. – Я, пацан, много чего не любитель. Например, не люблю, когда меня засовывают в сарай и снаружи запирают задвижку.

– Я мог бы выбраться в окно, – с сомнением сказал Колдун, разглядывая узкий прямоугольник.

– Давай. А я подсоблю. Надо отсюда валить.

– Надо найти и отключить заглушку.

– А ты умеешь?

– Могу попробовать.

Тут их разговор прервался, потому что снаружи заскребались. Скрипнула задвижка, и в открывшемся проеме показалась черная фигура. Хантер напряг руки, готовый бить насмерть. Фигура поднесла палец к губам и, пугливо оглянувшись, снова прикрыла дверь. Затем пришелец прошипел:

– Шшш. Пожалуйста, не шумите. Я хочу с вами поговорить.

У пришельца была зажигалка «Зиппо». Щелкнув ею, он на мгновение осветил лицо с рыжей бородой и голубыми испуганными глазами. Затем огонек потух.

– Не надо света, – шепнул гость. – Они заметят.

– Они? – спросил колдун.

– Отец Элиэзер и его бесноватые. Я Ковальский. Доктор Ежи Ковальский.

– Вы врач?

– Да, педиатр. То есть был педиатром, пока не угодил в этот дурдом. Теперь я брат Иисус Ковальский.

– Иисус. Это забавно.

– Да, очень забавно. Слушайте. Вы, как я понимаю, пришли из внешнего мира? Откуда именно?

– Британский Анклав.

– Британский Анклав... – Доктор Ковальский, он же брат Иисус, покатал эти слова на языке, как сладкую карамельку. – Значит, старушка Британия еще держится?

– Да. А вы там были?

– Был, на конференции в Лондоне. Много лет назад. Сейчас, должно быть, все изменилось.

– Темза еще не вытекла, – нетерпеливо вмешался Хантер. – Хотели говорить – говорите.

– Да, так вот. Я жил в Бостоне, работал там в клинике, когда разразилась катастрофа.

– Из Бостона никто не спасся, – с подозрением заметил охотник.

– Правильно. Мне не повезло. Или повезло.

Я был на международном слете педиатров в Торонто. Семья осталась в Бостоне, я потерял с ними связь... Эти ублюдки глушат все частоты, вы знаете?

– Знаем. Дальше что?

– Из Торонто я выбрался пешком, на дорогах были страшные пробки. Аэропорт закрыли, объявили чрезвычайное положение. Только военные рейсы. Я пробирался на юг, к Ниа-

гарскому мосту, а угодил сюда.

– Скажите спасибо, что вас не сожрали по пути.

– Я каждый день говорю спасибо. Каждый день, только не в этой их проклятой церкви... Слушайте. Сначала тут была нормальная община, а отец Элиэзер был вовсе не отцом, а братом Мордехаем, это уж он потом сменил имя. «Помощник Господа», как же.

– Доктор Ковальский, – сказал Колдун, – свое недовольство отцом Элиэзером вы можете высказать потом. Что тут вообще происходит?

Ковальский помолчал, а затем глухо выговорил:

– Здесь происходят убийства. Прикрываясь именем Господним, они убивают собственных детей.

Из рассказа врача Колдун уяснил следующее. Когда Ковальский присоединился к общине, связь с внешним миром еще поддерживалась. Шла речь об эвакуации, но потом о маленькой деревне и ее обитателях все забыли. И они продолжили жить там, где две сотни лет жили их предки. Построили Большую Изгородь, как могли отбивались от химер. В те месяцы погибли многие. А затем атаки внезапно прекратились. Люди вздохнули с облегчением, но тут начали изменяться растения. Репа, морковь, картошка – все, плодоносящее под землей, приняло странные формы. Отказаться от мутировавших растений селяне не могли, они бы просто умерли с голоду. Продолжали есть, хотя Ковальский настойчиво рекомендовал не употреблять странные продукты

в пищу сырыми. Еще через некоторое время стали рождаться больные дети.

– Судя по всему, это мутация, связанная с X-хромосомой. Для мальчиков она летальна. Пренатальная смертность. Попросту говоря, выкидыши на шестой-седьмой неделе беременности.

Девочки выживали, но рождались деформированными. Вот тогда-то брат Мордехай провозгласил себя отцом Элиэзером и захватил власть.

– Этот психопат заявил, что рождение изуродованных детей – кара Господня за грехи и непослушание. Я пытался убедить людей, что это простая мутация. Казалось бы, любой, кто поглядел на наш урожай, должен был бы понять. Но они не поняли. Предпочли поверить сумасшедшему.

– А как насчет воздержания? Или контрацептивов?

– Господь с вами, юноша, какие контрацептивы? Это же эмиши. У них обычно по десять детей, они постоянно беременеют и рожают. Контрацептивы Богу неуютны. Что касается воздержания, то человек слаб. Им страшно. Мир вокруг изменился, и изменился необратимо. А где еще искать утешения, как не в объятиях супруга?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.